

HARLEQUIN®

014



Луиза Аллен
**ЖЕРТВА
НЕГОДЯЯ**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Луиза Аллен
Жертва негодяя
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 14
Серия «Опасность и страсть», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4943670
Жертва негодяя: роман / Пер. с англ. В.Б. Соловьевой: ЗАО
Издательство Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-04063-3*

Аннотация

Граф Уайкоум отправил свою дочь леди Перси Брук к тетушке в Индию, чтобы в обществе забыли о скандальном происшествии. Год назад девушка сбежала из дома с красавцем Стивом Дойлом, которым она увлеклась, потому что он похож на Элиса Линдона – ее первую любовь! Но Стив оказался недостойным человеком. К счастью, отец догнал беглецов прежде, чем случилось непоправимое. Графу не дано было знать, что его дочь уже побывала в мужских объятиях, когда ей было всего шестнадцать! И этим мужчиной был Элис Линдон. Перси плывет на корабле домой в Англию, а среди пассажиров оказывается Элис. Он хорош собой, отважен, умен, обаятелен и

откровенно соблазняет Перси! Девушка очень скоро понимает: ее возлюбленный не помнит, что произошло между ними восемь лет назад, в ту ночь, после которой он исчез из ее жизни...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	44
Глава 4	60
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Луиза Аллен

Жертва негодяя

Глава 1

Калькутта, Индия, 7 декабря 1808 г.

Какая блаженная прохлада! – внушала себе Перси, усердно обмахиваясь веером. Холодный сезон, и в восемь вечера здесь ничуть не жарче, чем в августовский полдень в Англии. Да и дождя нет, слава небесам. Как долго надо прожить в Индии, чтобы привыкнуть к этой духоте? Она припомнила, каково ей пришлось с марта по сентябрь, – и прохладная струйка пота побежала у нее вдоль спины.

Зато – нет худа без добра – в таком климате можно расслабиться и насладиться полным покоем. Другого выбора, в сущности, не было, кроме как оставить на себе как можно меньше одежды – насколько позволяют приличия – из тончайшего муслина, нежного батиста или струящегося шелка.

Наконец-то завершается год ее ссылки, однако по возвращении в Англию ей будет так не хватать этого кошачьего чувства бездумной томной лени. Она наблюдала из большого Мраморного холла губернаторской резиденции за стайкой молодых леди в приемном зале и думала, что в таком знойном климате у нее есть свои преимущества: прелест-

ные блондинки, обычно нежно-персиковые, от жары «цвели» пунцовыми пятнами, в то время как она, «цыганка» — по их насмешливому определению, — лишь слегка подрумянивалась.

Она довольно быстро приспособилась к местному ритму жизни: на рассвете, по холодку, выезжала на верховую прогулку, в тягучие часы послеполуденного зноя спала или празднично лежала в шезлонге, сберегая силы для вечерних развлечений в светском кругу. Если бы за ней не тянулся шлейф грязных слухов и сплетен, она, пожалуй, смогла бы прийти в себя здесь, в Индии. Но злые языки не оставляли ее в покое.

Сейчас ей очень хотелось очутиться в Англии. Хотелось зелени и морозящего дождика, туманной дымки и ласкового солнца. Истекал оговоренный срок ее изгнания: теперь она могла вернуться домой и надеяться, что папочка простил ее, что ее возвращение в свет не потревожит праздных болтунов.

А если потревожит? С этой нелегкой думой она неспешно прошла из террасы в зал, при этом ее губы привычно изогнулись в самоуверенной улыбке. «К черту этих шипящих кошек с их вкрадчивым шепотком, к черту этих повес, воображающих, что меня достаточно лишь пальцем поманить. Я ошиблась — доверилась мужчине, только и всего. Наука впредь. Распускать нюни — пустое». С этой мыслью Перси резко захлопнула за собой дверь и внимательно оглядела зал с купольным сводом и двойным рядом мраморных колонн.

«Королева Бенгалии» отправлялась в Англию в конце этой недели, и почти все ее пассажиры присутствовали здесь, на приеме у губернатора. Разумеется, им предстоит поближе познакомиться друг с другом в течение многомесячного плавания. Здесь были несколько важных чиновников Ост-Индской компании, путешествующих в качестве суперкарга; группа армейских офицеров; коммерсанты – некоторые с женами и дочерьми; а также ряд благовоспитанных молодых людей – сотрудников компании, уверенно восходящих по карьерной лестнице к власти и богатству.

Перси улыбнулась и игриво помахала веером двоим из них – близнецам Чаттертон, стоявшим у дальней стены зала. Обворожительный лентяй Дэниел и заводной, напористый Коль, еще не скованный узами брака – мамочка не выскажет *явного* неудовольствия, если Перси вернется домой, помолвленная с этим оболтусом. Не слишком блестящая партия, но все же – младшие братья графа Фламбурга. В их компании было весело, но ни один не сумел по-настоящему взволновать ее. Возможно, никому больше и не удастся такое: ведь она научилась не доверять голосу сердца.

Скромница Эйврил Хейдон, окруженная компаньонками, приветливо помахала ей рукой, и Перси мимолетно улыбнулась в ответ. Любезная Эйврил: прекрасно воспитанная молодая леди, обладающая многими достоинствами – и такая миловидная. Как ни странно, но в светских кругах Калькутты мисс Хейдон – одна из редких здесь «благонадеж-

ных невест» – стала единственной сносной собеседницей для Перси. Возможно, потому, что Эйврил, будучи богатой наследницей, не унижалась до неуместных восторгов по поводу графской дочери, впавшей в немилость и сосланной в Индию. Она никогда не поддерживала тех, кто воспринимал леди Перси Брук как мишень для состязания в злословии. Улыбка на лице Перси словно застыла; да, они вполне готовы нанести удар. Правда, никому из них еще не представился такой случай – они тщетно надеялись, что Перси станет искать их расположения или дружбы.

Эйврил тоже будет там, на борту «Королевы Бенгалии», – и за это надо благодарить судьбу, потому что три долгих месяца некуда будет деться от примелькавшихся лиц и тесные пределы корабля вполне могут обернуться «птичьим двором». Она ехала сюда с гневом в сердце – гневом на саму себя – и с сундучком, набитом книгами – они поддерживали ее дух. Теперь же, на обратном пути, она будет радоваться жизни и наслаждаться путешествием.

– Леди Перси!

– Леди Гримшоу? – Перси изобразила вежливое внимание. Старая мегера тоже собралась в плавание, и Перси уже научилась отражать ее атаки.

– Этот цвет вряд ли уместен для незамужней девушки. И ткань слишком тонкая.

– Это сари, ушитое по моей мерке, леди Грим-шоу. Полагаю, что в белых или пастельных одеждах я бы выглядела

желчной немощью.

Перси прекрасно знала сильные стороны своей внешности и умела выделить их: темно-зеленая ткань подчеркивала и цвет ее глаз, и золотистый оттенок каштановых волос. Нежная шелковая материя переливалась над тонким батистом нижнего белья – казалось, она вся окутана облаком.

– Гм... Слышала, вы выезжаете на майдан?¹ Ни свет ни заря – и вскачь!

– Позже – слишком жарко для верховой езды, мэм. И меня сопровождает мой грум.

– Грум не спасет доброго имени девушки, моя дорогая. Весьма ветреное поведение. Как бы не надуло!

– Полагаете, мне не следует скакать так быстро? – отозвалась Перси приторным голоском и быстро отошла в сторону, пока матрона не успела изречь нечто сокрушительное.

Перси жестом подозвала слугу и взяла у него бокал пунша – еще одна вольность, не допустимая для леди на выданье. Она шла по залу, отпивая из бокала и морща нос – слишком крепок был напиток, и остановилась, оглянувшись на легкий шум, возникший у дверей. Прибыл новый гость.

– Кто это? – Эйврил подошла к ней и кивнула в сторону дверей. – Бог мой, какой интересный мужчина. – Она искоса рассматривала его, прикрываясь веером.

Действительно, красив. Высокий, худощавый, смуглый от загара; густые и шелковистые темные волосы острижены, что

¹ Майдан – площадь; здесь – плац при гарнизоне.

придавало ему суровый вид. Перси замерла на мгновение – но нет, это не мог быть Элис, ей просто привиделось. Ее пробила дрожь – непослушное тело встревожилось, отозвавшись на всплеск забытых чувств.

Мужчина вошел, слегка прихрамывая, но стремительно, словно раздраженный дополнительным вниманием, оказанным его персоне, – и игнорируя это. Гость обзрел зал спокойным взглядом уверенного в себе человека. Его испытующий взгляд остановился на Перси: скользнул по ее лицу и задержался на низком вырезе лифа. Затем также бесстрастно он принялся изучать Эйврил.

Надо же, подумала Перси, словно паша, оценивающий новые приобретения для своего серала. Но она не обманулась его нарочитой надменностью. Все ее существо откликнулось на его появление – каждой дрожащей клеточкой. Это он! Элис! Спустя восемь лет. Перси едва поборолла в себе желание немедленно бежать отсюда.

– Невыносимо, – шепнула Эйврил, мучительно краснея.

– Согласна, это невыносимо. Высокомерный тип. – Перси и не подумала понизить голос, хотя он подошел ближе. «Нападай, – шептал ей внутренний голос. – Бей, пока есть силы, пока он снова не обидел тебя».

– Он явно воображает себя неотразимым романтичным героем, милая. Заметили, как прихрамывает? В стиле готики – прямо со страниц последнего романа.

Элис остановился и обернулся. Он не стал делать вид, что

не расслышал их слов.

– Молодая леди забивает себе голову вздорным бульварным чтивом, насколько я понял.

Минувшие годы не притушили живого блеска его янтарных – тигриных, как думала она в детстве, – глаз. Картины прошлого ожили в ее памяти – горько-сладкие, иногда просто горькие, а порой настолько обескураживающие, что она горела от стыда. Она вздернула подбородок, встретив его взгляд ледяным молчанием, но он не узнал ее. Он перевел взгляд на Эйврил и слегка поклонился:

– Прошу прощения, мэм, если заставил вас краснеть. Но нечасто доводится лицезреть такую красоту.

Он теперь стоял вполоборота к ней, и на правой щеке был виден едва залеченный шрам – он шел от мочки уха через скулу и внизу скрывался под белым батистом шейного платка. Только сейчас она заметила, что кисть его правой руки забинтована. И хромота не притворна: он был изранен, и весьма жестоко. Перси подавила в себе инстинктивное желание коснуться его и расспросить о том, что случилось, – раньше она так и поступила бы без колебаний.

Она услышала, как рядом вздохнула подруга:

– Я не отношу это на свой счет, сэр.

Эйврил холодно кивнула, давая понять, что разговор окончен, и вернулась к компаньонкам. Очутившись под их надежной защитой, она обернулась и, увидев, что подруга не последовала ее примеру, весело округлила глаза.

«Мне следует извиниться перед ним, – думала Перси. – Но он так бесстыдно раздевал нас взглядом. И нагрубил мне – так же, как в ту последнюю встречу». Более того, он извинился только перед Эйврил; а ее внешность не вдохновила его на комплименты.

– Любезность моей подруги не уступает ее красоте, – сказала она.

Его янтарные глаза, с теплотой наблюдавшие за Эйврил, вновь обратились на Перси. Он поморщился от ее слащавого тона. А она подумала, что ее замечание было справедливым, он за эти годы действительно стал самонадеянным наглецом.

Пожалуй, ей следовало повернуться к нему спиной и, возможно, легко усмехнуться или небрежно взмахнуть веером – мол, пусть надоедает другим особам. Но Перси не могла сдвинуться с места: избегая взгляда Элиса, она все же невольно посмотрела на его губы. Нельзя сказать, что их кривила усмешка, но ямочка в уголке рта таила некий намек – неожиданный для этого надменного героя. Его губы словно коснулись ее шеи, груди...

– Мне воздали по заслугам, – откликнулся он.

Провокационный тон его фразы вызвал у нее легкое замешательство, но она не сразу поняла, чем именно была шокирована. Через мгновение она осознала, что он теперь воспринимает ее как женщину: видимо, раскусил ту девочку, которую отверг так жестоко. Похоже, он намекал, что теперь вполне заслуживает ее.

Перси твердила себе, что одним усилием воли можно подавить нескромные желания, от которых она сейчас покраснела. Он не узнал ее, а если бы и узнал – его теперь не волнует, что там произошло много лет назад, он высказался тогда предельно ясно.

– Вы отнюдь не похожи на глубоко раскаявшегося грешника, сэр, – нашлась Перси.

Рано или поздно он поймет, с кем разговаривает, но ей не хотелось доставить ему удовольствие своим признанием – пусть не думает, что те события имеют для нее какое-то значение.

– А я и не пытался демонстрировать раскаяние, мэм, просто признал справедливость возмездия. Раскаяние – не развлечение: если прекратишь грешить, станешь лицемером.

– Не знаю, сэр, лицемерите вы или нет, но одно ясно: нельзя заподозрить вас в галантности.

– Вы первая укололи меня, – припомнил он ее слова.

Вроде бы верно, но он лукавил.

– За что приношу свои извинения, – серьезно ответила Перси. Ей ни к чему нечестные приемы – за словом в карман она не лезла. – Однако у меня нет намерений выразить вам свое сочувствие, сэр. Вам явно нравится лезть в драку. – Насколько она помнила, он всегда был по-юношески напорист, порой до злости. И этот пыл чудесным образом преображался – в огонь страсти, когда он любил.

– И это верно. – Он согнул забинтованную кисть и чуть

поморщился. — Вам осталось только повидаться с моим противником.

— У меня нет такого желания. Похоже, вы обтесывали друг друга саблями.

— Ближе к истине, — согласился он.

В его насмешливой речи она уловила легкий акцент жителя Юго-Западной Англии; отчаянно захотелось домой: к зеленым холмам, суровым утесам и холодному морю, и эта тоска была даже острее, чем впечатление от неожиданной встречи с Элисом.

— Вы до сих пор говорите с юго-западным акцентом, — заметила Перси.

— Северный Корнуолл граничит с графством Девон. А вы? — Казалось, он не заметил некоей странности в ее фразе.

«Он тоже скучает по дому», — подумала она, услышав тихие тоскливые нотки, затаившиеся под холодным рокотом его голоса.

— Я тоже из тех краев.

Она безотчетно протянула ему ладонь, и он пожал ее здоровой рукой, без перчатки. Рука эта была теплой и немного закругленной, в мозолях от поводов, кончики его пальцев коснулись быстро пульсирующей жилки на ее запястье. Некогда он вот так же держал ее за руку, так же близко склонившись к ней, она тогда увидела тоску в его глазах, но неверно истолковала ее и повела себя с безрассудством невинности. И он вознес ее на вершину небес, а потом спустил на землю,

посмеявшись над ее глупостью.

Нет, она не сможет больше притворяться. Рано или поздно он поймет, кто перед ним, и если она будет скрывать это, он решит, что для нее до сих пор важно то, что произошло тогда между ними.

– Моя семья живет в поместье Коум.

– Вы из семьи Брук? Одна из дочерей графа Уайкоум? – Он шагнул к ней, удерживая ее руку и стараясь заглянуть ей в лицо. – Неужели вы та самая малышка Перси Брук? Да, вы были тогда голенасты и носаты, как утенок. – Он усмехнулся. – Бывало, я сажал лягушат в кармашек вашего фартука, а вы все ходили за мной по пятам. Но вы сильно изменились с тех пор, как мы виделись последний раз. Верно, вам было тогда лет двенадцать. – Он развеселился и сразу помолодел лет на восемь.

– Шестнадцать, – уточнила она подчеркнуто ледяным тоном, отметив про себя слова «голенастая и носатая». – Я помню вас юношей – и ваших лягушек – таких же головоногих, как и вы², а я между тем только выросла. Но мне было шестнадцать, когда вы уехали.

«Шестнадцать, когда я поцеловала вас со всем пылом любви, которая переполняла мое сердце, а вы попользова-

² В романе обыгрываются значения английского слова frog: «лягушка»; «француз». Англия постоянно соперничала с Францией на политической арене и вскоре после французской революции конца XVIII века вступила в войну с Наполеоном, так что английские патриоты были настроены весьма враждебно ко всему французскому.

лись мною и умчались прочь. Вас отвратила моя неопытность или дурацкая прилипчивость?»

Нахлынувшие воспоминания затуманили его насмешливый взгляд, Элис нахмурился, воскрешая те события в памяти.

«Похоже, он не помнит – или не желает припомнить. Неужели он мог забыть такое? Наверное, у него с тех пор было столько женщин, что та нескладная девчушка забыта навеки».

– Шестнадцать? Разве? – Он снова нахмурился, вглядываясь в ее лицо. – Что-то... не припоминаю. – Но в его глазах застыл вопрос и некое смущение, словно он пытался вспомнить давний сон.

– Вам незачем утруждать себя. – Перси высвободила руку, слегка склонилась в реверансе и отошла в сторону.

«Итак, он даже не припоминает! Он разбил мое глупое юное сердце, а теперь даже не помнит этого! Настолько я была ему безразлична».

Дэниел Чаттертон перехватил ее посреди зала, и она позволила себе мило улыбнуться. «Я теперь не так простодушна, – упорно твердила она себе, стараясь сдержать свой порыв убежать отсюда. – У меня безупречные манеры и стиль, я весьма самобытна. Да, именно так: я неподражаема. И мужчины восхищаются мною. Хорошо, что мне снова довелось встретиться с Элисом – теперь я могу трезво оценить свои фантазии».

Она надеялась, что воспоминания о том единственном волшебном часе, проведенном в его постели, наконец-то оставят ее.

– Даже не пытайтесь убедить меня, леди Перси, что этот блудный сын не стал для вас кумиром.

Видимо, ее взгляд был не столь безмятежно ласков, как она на то надеялась. Перси пожала плечами; нечего и сомневаться – их перепалка была услышана доброй половиной зала. Она представила, как хихикал и перешептывался за их спинами весь этот кошачий питомник. Чаттертон кивнул на проходившего мимо официанта:

– Еще пуншу?

– Нет, благодарю, он слишком крепок. – И Перси взяла для себя сок манго. Неужели этот арак³ так затуманил ее взгляд и ударил ей в голову?

Если бы не пунш, этот мужчина не показался бы ей таким притягательным и ее чувства не вспыхнули бы. Снова Перси поднесла фужер к губам, отпила сока и почувствовала, что ее ладонь сохранила легкий аромат Элиса: запах перчаточной кожи, мускуса и еще какой-то – едва уловимый – дорогой пряности. Это был новый сложный и пьянящий запах, не тот, что она помнила. Он стал совсем взрослым. Впрочем, как и она.

– Если вы имеете в виду Элиса Линдона, этого наглеца, который только что беседовал с мисс Хейдон и мною, так я

³ Арак – азиатский крепкий алкогольный напиток.

знаю его с детства. Он уже тогда был ветреным и с тех пор, похоже, мало чем изменился. — Она снова покраснела. Нет, у нее нет причин краснеть. — Он уехал из дома, когда ему было двадцать или около того.

Двадцать лет и одиннадцать месяцев. Она купила ему в подарок на совершеннолетие чудесный гребень⁴, вырезанный из рога, и собственноручно вышила для него чехол. До сих пор эта вещица хранилась в ее шкатулке, она не выбросила ее, даже когда сбежала с тем, кого возомнила своим возлюбленным.

— Он виконт Линдон, наследник маркиза Айверна, я прав?

— Да. Наши земли граничат, но мы не особенно дружны.

Да, с тех пор, как мать Перси не постеснялась откровенно высказать все, что думает о второй жене маркиза, которая годилась ему в дочери. Были там и некие трения из-за поместий, к тому же у Айвернов не было дочерей, выезжающих в свет, так что семьями они встречались редко — не было желания перекидывать мосты через разделившее их ущелье.

— Линдон уехал из дома примерно восемь лет назад, после размолвки с отцом, — добавила она равнодушным тоном. — Хотя, полагаю, у них в семье и раньше не было мира и согласия. А какое дело привело его сюда, не знаете? — Вопрос был вполне уместен.

— Прием в честь пассажиров «Королевы Бенгалии». Говорят, он возвращается домой. Получил известие о том, что

⁴ Английское слово *comb* («гребень») созвучно названию поместья Коум.

его отец тяжело болен; так что Линдон, может статься, уже маркиз. — Чаттертон искоса посмотрел поверх ее плеча. — Он наблюдает за вами.

Да, она спиной чувствовала его взгляд — так газель чует крадущегося в зарослях тигра — и старалась сохранить самообладание. Три месяца кряду — в крохотной каюте с парусиновыми переборка ми, — так близко от мужчины, который по-прежнему не прочь поозорничать. Лягушек в кармашек фартука он определенно уже не подложит. И если он догадывается о ее чувствах к нему — былых чувствах, — нельзя угадать, как он поступит теперь.

— Неужели? Это в его стиле.

— Он и за мной наблюдает. — Чаттертон смущенно улыбнулся. — Думаю, не потому, что ему понравился мой жилет. Что-то мне становится не по себе — *de trop*⁵. Большинство мужчин здесь делают вид, что вы им нисколько не интересны, но Линдон смотрит так, словно охраняет свою собственность.

— Он наглец по определению.

Нет, он не рассматривал ее глазами собственника — отнюдь, но даровал ей свое внимание; она же посмела пренебречь им, и теперь он не успокоится, пока не добьется сатисфакции. Он заставит ее — как и всех глупышек — пялиться на него коровьими, затуманенными от страсти глазами.

Перси чуть развернулась — в профиль к виконту — и про-

⁵ Чересчур, даже слишком (*фр.*).

вела пальчиком по краю жилета Дэниела Чаттертона.

– Лорд Линдон, возможно, не станет восхищаться вашим жилетом, но шелк действительно отменного качества. Он вам весьма к лицу.

– Вы решили на всякий случай пофлиртовать со мной, леди Перси? – усмехнулся Чаттертон. – Хотите досадить Линдону?

– Я? – Она посмотрела на него широко распахнутыми глазами, весьма довольная собой. Надо же – встретилась с Элисом и не провалилась сквозь землю; теперь, верно, можно жить дальше. Она чуть поправила шейный платок Дэниела, убирая складки, – ей хотелось подлить масла в огонь.

– Да, вы! А меня он вызовет на дуэль – или вам все равно?

– У него нет для этого причины. Расскажите мне о нем, тогда я буду знать, как от него спрятаться. Ведь я не виделась с ним лет сто. – Она улыбнулась Дэниелу, придвинувшись к нему чуть ближе – почти до неприличия.

– Придется мне перенять его опыт. – Чаттертон обвел зал настороженным взглядом. – Похоже, это впечатляет наших дам. Я знаю только то, что он лет семь путешествовал по Востоку – с тех пор, как – сами помните – покинул свой дом. Линдон богат – ходят слухи, он получает большие прибыли от торговли самоцветами, а его конек – экзотические растения. Ему привозят коллекционные экземпляры из разных мест, и он отправляет собранное куда-то в Англию – не ради денег, как говорят.

– А как его угораздило так пораниться? – Перси провела веером по руке Дэниела. Элис – она чувствовала – продолжал наблюдать за ними. – Дуэль?

– Хуже. Это был тигр; людоед терроризировал деревню. Линдон поехал за ним на слоне, но зверь сумел в прыжке достать до седла и стащить махаута⁶. Линдон спрыгнул на землю и прикончил бестию ножом.

– Нечего сказать, герой, – беспечно отозвалась Перси, представила страшные когти, длинные белые клыки тигра и невольно содрогнулась. «Какая отвага – спрыгнуть чуть ли не в пасть зверю, рискуя погибнуть страшной смертью», – подумала она. – А что с тем махаутом?

– Не знаю. Жаль, что лицо Линдона изуродовано – оно было привлекательным.

– Изуродовано? Как бы не так! – Она усмехнулась и раскрыла веер. «При чем здесь его лицо? Он мог погибнуть!» – Шрамы скоро затянутся, к тому же такие отметины весьма привлекают женщин.

– Леди Перси, не возражаете, если я заберу своего брата? – Это был Коль Чаттертон, близнец Дэниела. – Знаете, неотложные скучные деловые переговоры...

– Надо же, пришел на помощь, пока кое-кто не бросил мне перчатку, – прервал его Дэниел, округляя глаза.

– Тогда за дело, мистер Чаттертон. – Она снова усмехнулась, видя, что он опечалился. – Работайте усердно.

⁶ Махаут – погонщик слонов.

Она смотрела им вслед, но видела перед собой не этот душный зал с мраморными колоннами, а колыхание высокой травы, где в солнечных бликах чуть заметны золотисто-черные полосы крадущейся смерти; взметнулось мускулистое тело... о, ужас! – пронзительно закричал махаут и – вот он, мужчина, рискнувшей своей жизнью ради его спасения. Пожалуй, придуманный ею эпитет к глазам Элиса – «тигриные» – теперь не кажется столь поэтичным.

Она повернулась – как всегда, импульсивно. Предстоит компенсировать вред, причиненный ее необдуманными словами, и помириться. Ее давнишние волшебные переживания, в которых было столько боли, – все это пустое для него теперь, и ей тоже не стоит придавать этому значения. Слишком долго Элис Линдон будоражил ее воображение.

Но Элис уже не смотрел на нее. Он теперь стоял подле миссис Харрисон, слушал, что она нашептывает ему на ухо, и, опустив очи долу, разглядывал ее выставленные напоказ пышные прелести.

Итак, этот напористый тип, по которому она так долго страдала, оказался заурядным повесой, а его внимание к ней и Эйврил – всего лишь светский ритуал женолюба. Храбрый распутник – все равно распутник. Конечно, ему тоже было небезынтересно спустя столько лет узнать в ней свою соседку-простушку, которая до сих пор надеется на его внимание.

Обидно, что он не удосужился припомнить их отношения. Что ж, она должна забыть о своей обиде – ведь ничего такого

у них больше не предвидится. А он уже отыскал женщину по себе: миссис Харрисон, как известно, не стеснялась доставить удовольствие джентльменам по обоюдному согласию.

Перси со стуком поставила свой фужер на столик, ей сразу стало тоскливо среди этой жужжащей толпы, она очень устала и от жары, и от призраков минувшего. Пока она пробиралась к выходу, ее носильщик вынырнул из тени за колонной.

– Мой портшез, Ажей.

Слуга поспешил исполнять приказание, а Перси подошла к миссис Смит-Робинсон – тетушка теперь премного обязана ей за успешно сыгранную роль компаньонки на этом приеме – и сообщила, что уходит.

Она чувствовала себя вымотанной, у нее болела голова, ей хотелось добраться до Англии, забиться в свой угол – и чтобы никогда – никогда больше – не пришлось вести беседы с мужчинами, особенно с Элисом Линдоном. Усилием воли она заставила себя кивками попрощаться со знакомыми и затем неспешно пройти на выход, элегантно покачивая бедрами: подбородок гордо вздернут, а на лице – неизменная улыбка. И ей все удалось.

Элис, принимая предложение Клодии Гамильтон на «вечернюю рюмочку чая», все же заметил, что зеленоглазый шершень покидает зал. Насчет ле ди Клодии у него были некоторые сомнения: вряд ли она ограничится пожеланием спокойной ночи. Он уже сталкивался с ее непорядочным му-

жем на Гаити на закупках шелка, поэтому вполне разделял мнение Клодии: ее супруг – беспардонный грубиян; понятно, что ей просто необходимо отвлечься.

Перспектива маленького совместного *развлечения* была заманчива, но ему не хотелось превращать это мероприятие в заурядную интрижку, пусть даже и накануне отъезда. Элис не был склонен к расточительности в чувствах, а леди, по всему видно, была весьма услужлива.

– Это девчонка Брук, – фыркнула Клодия, отслеживая его взгляд. – Бесстыдница. Полагает, что, если она богата и ее отец граф, она может вытворять что угодно, а про внешность и говорить нечего. Она возвращается в Англию на этом корабле. Видно, семья считает, что на родине успели забыть обо всем, что она натворила.

– Они – мои соседи, – заметил Элис; инстинкт подсказал ему, что лучше сразу внести ясность, чтобы избежать дальнейшей неловкости. – А она стала совсем взрослой.

Он не удивился, услышав о скандале, – у Перси хватит ума на любые фортели. Неуклюжая долговязая девчонка всегда была «своим парнем», вечно ходила за ним по пятам, смело лазала по деревьям, удила рыбу и предпочитала ездить на норовистых лошадях. А привязчива была – рассвирепеть можно.

Он задумался, припоминая, как она крепко обняла его и поцеловала. А на следующий день он упаковал свой багаж

и, как говорится, отряхнул с башмаков пыль отчего замка Линдон.

Он был тогда раздавлен горем и унижением, а она, верно, пыталась утешить его. Вероятно, он был резок с ней, изливая свой гнев. К тому же напился: почти бутыль бренди, да еще вино, насколько он помнит. Дальнейшие события того вечера размылись в его затуманенном сознании, но даже если ему что и привиделось, он не желал признаваться себе в этом – слишком больно. Перси... нет, ему снился не тот страстный поцелуй девчонки-сорванца, а стройное нагое тело, изогнувшееся в буйной страсти. Черт возьми, он до сих пор испытывал чувство вины за свои ночные кошмары, порожденные пьяным угаром: надо же в таком виде вообразить себе невинную девочку.

Элис снова взглянул на двери, но изумрудные шелка уже ускользнули. Перси Брук теперь не ребенок; похоже, она станет сущим наказанием для того, кого отец предназначит ей в мужья.

– Полагаете, в ее внешности есть изъяны?

Забавно: в глазах Клодии вспыхивали злобные огоньки, когда она припоминала прелести особы моложе себя. Элис не имел намерения расспрашивать ее о позорном поступке Перси. Насколько он помнил, в суровых английских гостиницах могут раздуть до слоновьих размеров такой пустяк, как поцелуй на террасе во время бала с мужчиной. Скудная чушь.

– Никакой фигуры, долговязая, лицо асимметричное, да и нос велик, а кожа желтовата. А нрав, уверяю вас, более чем... заносчивый.

– Бедняжка, не слишком высокий отзыв, – усмехнулся Элис, медленно водя кончиком пальца по ладони леди. Она в ответ едва не замурлыкала и придвинулась поближе к нему.

Разумеется, она права, все это можно отнести к леди Перси. Малышка некогда была такой нескладной и невзрачной, словно не вполне оперившийся птенец. Но какое-то чудо – или магия? – помогло ей воспарить: она стала женственно-привлекательной, дразняще загадочной особой. «Пожалуй, все дело в ее осанке, умении владеть собой плюс цельность натуры», – рисовал ее образ Элис. Да, и нечто новое в ней – острый язычок в довесок. Забавно было бы по пути домой попытать с ней удачи – в качестве змея-искусителя.

Глава 2

– Спокойно, Хан. – Перси потрепала статного гнедого мерина по холке и улыбнулась, когда он повел ухом, заслышав ее голос. – Скоро побежишь, потерпи минутку.

Мерин нервно переступал на месте, чуть продвигаясь боком и всем своим видом выражая яростное негодование. Приходилось ждать: по дороге тянулась повозка, запряженная волами, за ней поспевал рикша, и позади брела сама по себе священная корова с печальными глазами. Пришлось пропустить и вереницу болтающих женщин с медными чашами на голове. Похоже, транспортный поток в Калькутте никогда не иссякал – разве что дожждаться дождичка в четверг, но сегодня только среда, и едва рассвело.

– Жаль, не могу увезти тебя домой, но майор Конвей присмотрит за тобой, – пообещала Перси, натягивая повод на повороте: они как раз подъехали к прогулочной аллее, пересекающей просторный пустырь вокруг угловатого массивного сооружения – форта Уильям. Завтра можно прокатиться здесь в последний раз перед отъездом; но лучше пока не думать об этом, сейчас не до переживаний. – Ну же, пошел!

Его не надо было понукать дважды. Перси ухватила покрепче, потому что Хан тут же, с места в карьер, припустился по траве. Позади она слышала легкую дробь копыт серого пони, на котором сидел ее грум Пради, но вскоре эти зву-

ки растаяли далеко позади. Пони никогда не поспевал за Ханом, а дожидаться она не желала. Она знала, что, промчавшись через пустырь, снова увидит пони, семенящего им навстречу. Грум будет цокать языком и ворчать:

– Э, леди Перси, мемсахиб⁷, как же я смогу защитить вас от дурных людей, если вы все время обгоняете меня?

«Здесь нет дурных людей», – думала она, подъезжая к реке Хугли. Солдаты, охраняющие форт, присматривают за порядком в округе. Может, взять с собой Пради, когда она пойдет в бальный зал, – пусть посмотрит на последнего героя – Элиса Линдона.

Накануне ей удалось поспать часа три, не больше. Большую часть ночи она вертелась с боку на бок, сбивая простыни и кипя яростью на высокомерных мужчин, падких на дурных женщин, – особенно она злилась на того, с кем ей предстояло путешествовать на одном корабле несколько нескончаемых недель. Отныне она решительно настроилась избегать неожиданных встреч, равно как избавиться от навязанных ими сновидений.

Одним из худших был навязчивый ночной кошмар: будто отец распахивает дверцу кареты и вытаскивает ее на постоянный двор, и все пассажиры, набившиеся в почтовый дилижанс, тупо разевают рты, а преподобная леди Сент-Джордж наблюдает из своего экипажа. Но на этот раз с ней высокий

⁷ Мемсахиб – принятое в колониальной Индии обращение к европейской женщине – госпожа.

брюнет – нет, не Стив Дойл, который тогда, как заяц, бился о противоположную дверцу, надеясь бежать. Это Элис Линдон.

Элис не бежит, как тот трус, в которого она как будто влюбилась. В ее сновидении он оборачивается, элегантный и беспощадный, сверкает лезвие рапиры – и он приставляет клинок к горлу ее отца. Но тут видение затуманивается, возникает Стив, он лежит на гостиничной кровати и вдруг превращается в юного Элиса.

Это сновидение было настолько реальным, даже в деталях, что она переживала его словно наяву, а затем проснулась, разбитая болью и тоской, и пришлось встать и облиться холодной водой, пока не унялась дрожь.

Проснувшись тем утром, она поняла, кого напоминал ей Стив Дойл – взрослого Элиса. Перси потрясла головой, пытаясь прогнать остатки сна и разобраться в этой нелепице. Значит, она не в Стива влюбилась, если продолжает страдать по Элису? Какая несуразица! После того унижительного фиаско – правда, он утром уже ничего не помнил, потому что накачался до одури бренди, – она приложила немало усилий, чтобы забыть предмет своей глупой страсти. И это, как она полагала, ей удалось.

Хан продолжал мчаться во весь опор, и это становилось опасным, поскольку они уже приблизились к тому месту, где внешний оборонительный ров подходил к реке. Здесь поворот, а в густой тени низкорослых деревьев полно скрытых

ям, где прячутся бродячие собаки. Она придерживала разгоряченного Хана, но в это время из-за деревьев галопом выскочила красно-гнедая лошадь – она шла так же быстро, как и ее мерин.

Хан плавно отвернул в сторону и, остановившись, поднялся на дыбы, пытаясь избежать столкновения. Крепко вцепившись в гриву, Перси прижалась к шее лошади, при этом седельная лука едва не вышибла из нее дух. Грива мерина закрыла ей глаза, но она увидела, что встречный всадник вывернул свою лошадь влево. Такой трюк, сделанный на пыльной стерне ската, грозил неминуемым падением даже самому искусному наезднику. Хан опустил на свои четыре копыта – так, что все кости прогремели, а гнедая заскользила, упираясь копытами, и грохнулась наземь всего в нескольких футах от них.

Перси перебросила ногу через луку и соскользнула на землю. Гнедая лошадка уже поднялась на ноги, но всадник так и остался лежать навзничь на траве. Перси подбежала и опустилась подле него на колени. Это был Элис Линдон – руки раскинуты в стороны, глаза закрыты.

– Господи, он мертв? – Она рывком расстегнула пуговицы черного легкого редингота, отвела полы, чтобы осмотреть сорочку, и, склонившись, прижала ухо к его груди. Его сердце под ее щекой билось быстро, но сильно и ровно.

Перси облегченно вздохнула, и плечи ее опустились. Все же надо послать за доктором, за помощью. Что, если у него

сломана нога или спина? Сейчас, через секунду, она поднимется, сняв напряжение и успокоившись.

– Как приятно, – прозвучал голос под ее ухом, и она почувствовала, как его рука обнимает ее за плечи, слегка приподнимает, и, прежде чем оторопевшая Перси смогла что-либо предпринять, его губы прижались к ее губам в неспешном, искусном поцелуе, словно испытывая ее терпение.

Ни один мужчина так не целовал ее – лениво и бесстрастно, просто получая удовольствие от самого процесса. В шестнадцать лет она побывала в его объятиях – неискушенная, и он был совсем юн, – тем не менее он сумел тогда заставить ее всхлипывать от восторга. Теперь он мужчина и вполне трезв, и ей понятно, что все это для него – обычные пустяки. Просто привык потворствовать своим прихотям.

Тем не менее оттолкнуть его оказалось труднее, чем ей казалось, – и она разозлилась на себя. Что ж, Элис восемь лет оттачивал свое искусство любовника и, как видно, умел воспользоваться случаем. Она уперлась обеими руками в его плечи, подалась назад, стараясь вырваться, и – внезапно оказалась на свободе: он – вот обидца! – и не удерживал ее.

– Что вы себе позволяете!

Он приоткрыл глаза – золотистые и задорные, – приподнялся и сел. Ему пришлось глубоко вдохнуть, и – вот наказание! – это оказалось совсем не просто, потому что он скривился от боли и что-то проговорил на незнакомом ей языке, воскликнув напоследок: «...чертово отродье».

– Лорд Линдон! – откликнулась Перси. Она едва сдержалась, чтобы не залепить ему пощечину. – Разумеется, никто, кроме вас, не виноват, потому что вы мчались очертя голову. Вы сильно ушиблись? Если я правильно поняла, вам больно. Думаю, вы хотели сказать, что ваша выходка – это последствие контузии или шока, что-то в этом роде.

Разглаживая левой рукой свои взъерошенные волосы, он посмотрел на нее затуманенным взором, но она не поддалась на эту уловку.

– Я нормальный мужчина, и, когда молодые женщины бросаются мне на грудь, я откликнусь, даже если и ушибся головой. – Он осторожно подвигал плечами. – Похоже, буду жить.

Перси боролась с желанием как можно быстрее ретироваться. На его бинтах проступила кровь, на щеке наливался свежий кровоподтек; и то, что он пока не встал на ноги, подсказывало ей, что лучше... не спрашивать, как чувствует себя его раненое бедро.

– А *вы* не ушиблись? – спросил он.

Она покачала головой.

– Моя лошадь в порядке?

– Пради, – позвала она подъезжающего грума, – пожалуйста, поймай лошадь сахиба и проверь, все ли с ней в порядке. – Она снова повернулась к Линдону – благо ей непонятно, что он там бормочет, – и постаралась не обращать внимания на свое затрепетавшее сердце. Неужели ее так смутил

этот поцелуй? Да как он смел! Пусть только попробует... еще раз. – Так что же нам делать с вами? – спросила она, чтобы отвлечься от своих фантазий. – Разумнее всего отправить Пради в форт – пусть попросит их принести носилки. – Голос ее прозвучал вполне рассудительно, хотя сама она была немного растеряна.

– Я что, похож на больного, который позволит уложить себя на носилки паре сипаев? – осведомился Линдон, разминая кисть руки и шипя от боли.

– Нет, конечно. – Перси принялась разматывать свой шарф. Руки, слава богу, не дрожали. – Конечно, смешно предположить, что вы могли иначе среагировать на разумное предложение. Ведь вы явно намереваетесь сидеть здесь до вечера.

– Я намереваюсь встать на ноги, – ответил он. – И пойти к своей лошади, как только ваш слуга поймает ее. А зачем вы раздеваетесь?

– Я снимаю шарф, чтобы перевязать ваши неблагодарные бранные останки, милорд, – произнесла Перси сквозь зубы. – Пока прикидываю, как устроить перевязь вокруг вашей шеи.

Элис Линдон некоторое время вглядывался в нее, прищурив глаза, и проронил наконец:

– Я всегда думал, что в такой ситуации обычно начинают раздирать на бинты нижние юбки.

– Не собираюсь лишаться своего гардероба ради вас, милорд. – Перси поднялась на ноги и протянула ему руку. – Вы

примете помощь или ваше мужское упрямство вам помешает?

Виконт зашевелился – весьма изящно и живо, помогая себе не столь изящными выражениями на непонятном языке. Он подобрал под себя здоровую ногу и, оттолкнувшись, в мгновение ока очутился на своих двоих, проигнорировав ее протянутую руку.

– Ваши бриджи испачканы кровью, – заметила Перси.

Ей никогда еще не приходилось видеть кровь раненого, но в обморок она – вот чудо! – падать не собиралась. Наверное, потому, что сильно рассердилась. И расстроилась – из-за пережитого унижения. Она желала его тогда, восемь лет назад, когда он был юношей. А теперь она остро желала его как мужчину. Но разница в том, что она теперь тоже взрослая и может побороть свои слабости.

– Проклятье! – Он протянул руку, и она отдала ему свой шарф.

Забинтовать ногу он может и сам. Иначе этот необузданный самец воспримет ее помощь как приглашение к дальнейшим вольностям, а она подозревала, что, если снова прикоснется к нему, ее твердость может быть сломлена.

– Благодарю. – Он закрепил повязку по-мужски крепким узлом, и кровотечение, похоже, прекратилось; Перси поняла, что ни к чему далее рассматривать крепкое и мускулистое бедро, и отвернулась, чтобы привести в порядок ворот платья.

– Говорят, вас поранил тигр, – проронила Перси, чтобы прервать неловкую паузу. Все же ее слегка мутило; она чувствовала странное головокружение. Неужели этот поцелуй настолько выбил ее из колеи? – Как понимаю, дело могло закончиться самым печальным образом.

– Могло, – согласился он, поддергивая манжеты. Подошел Пради, ведя за собой красно-гнедую лошадь. – Благодарю. С ней все в порядке?

– Да, сахиб. Поводок порван, поэтому сахиб не смог удержаться. – Грум, должно быть, полагал, что его замечание прольет бальзам на уязвленную гордость, но Элис остался невозмутим. – Сахибу надо помочь сесть на лошадь?

«Он конечно же откажется, – подумала Перси. – Обычная мужская самоуверенность». Но Линдон поставил здоровую ногу в сложенные лодочкой ладони грума и подождал, пока Пради поднимет его достаточно высоко, чтобы без помех перекинуть раненую ногу через седло.

Занятно – он не считал нужным разыгрывать из себя героя – в противоположность Стиву, который, несомненно, попытался бы справиться в одиночку, даже рискуя растревожить рану. Она нахмурилась. Что она хочет добиться, придумывая уважительные причины нелепого поведения любовника? Разве она уже не решила выбросить его из головы – вместе со своей глупостью? Он никогда по-настоящему не волновал ее – это теперь ясно. Но весь ужас в том, что внешне он был едва ли не двойником мужчины, которого она видела перед

собой.

– А что случилось с махаутом? – спросила она, положив руку на повод, чтобы задержать Линдона.

– Он выжил. – Он посмотрел на нее сверху вниз, величественный и самоуверенный даже в этой пыльной одежде и бинтах с пятнами грязи и крови. – А почему вы интересуетесь?

– Потому что вы посчитали его жизнь дороже своей. Многие сахибы поступили бы иначе. – Этот славный поступок был для нее пока единственной добродетелью взрослого Элиса. – Вам было бы больно вдвойне, если бы он погиб.

– Я сам нанял его – кому ж, как не мне, отвечать за его жизнь? – пояснил Линдон.

– А деревенские жители, на которых повадился нападать людоед? Вы взяли на себя ответственность и за их жизни?

– Вы стараетесь найти во мне добродетель, Перси? – спросил он с обескураживающей проницательностью. – Вынужден разочаровать вас – просто охотничий азарт.

– Я так и думала, – согласилась Перси. – Мужчинам нравится убивать, правда? И вы не допустили бы смерти вашего слуги из-за какого-то тупого животного.

– Конечно, то был не глупый фазан или пугливый лис, – усмехнулся он, ничуть не тронутый – вот незадача! – ее маневрами. – А к чему вам так стараться ради мужчины, который явно вас раздражает?

– Просто я сама неслась так же быстро, как и вы, и обязана

отвечать за свои действия, — ответила она. — А вы не раздражаете — вы поражаете меня до глубины души. Я не понимаю, зачем вам дразнить меня своим вульгарным поведением.

— Просто старался походить на одного из героев вашей мечты. Подумал, что девушка без ума от французских романов и ожидает именно такого внимания. Вам, похоже, понравилось.

— От потрясения я словно помертвела — на мгновение. — Да, только ее губы раскрылись тогда в ответном поцелуе, а ее язычок касался его языка. — И я вовсе не без ума, как вы выразились. Подозреваю, вы сами изрядно начитались романов, милорд. — С этими словами Перси отпустила уздечку и пошла к Пради, который стоял поодаль, держа в поводу Хана.

Элис наблюдал, как она, с гордо выпрямленной спиной, подошла к своему груму, о чем-то с ним переговорила, постояла в нерешительности, поглаживая морду высокого мерина. Перси даже не смотрела в сторону Элиса. Но ему был виден румянец, проступивший на ее скулах, — она чувствовала, что он наблюдает за ней. «Помертвела на мгновение». Ну и чушь! Что бы Перси там ни говорила, но она ответила на его поцелуй.

Грум подставил сложенные ладони, она привстала и одним плавным движением легко уселась в седло, как прирожденная всадница. И сложена неплохо, подумал он, оценив ее

длинные ноги, очертания которых проступили под мягкой тканью амазонки.

Теперь он увидел ее профиль и подумал, что Клодия все же права. Нос слишком длинноват, а лицо – он помнил то серьезное выражение, с каким она спрашивала о погонщике, – слегка асимметрично, но живая мимика скрадывала это впечатление. Критик, не склонный целовать это лицо, сказал бы, что рот ее слишком широк, рост высоковат, а сама она так немодно худощава. В ее облике уже не найти того гадкого утенка, теперь оно не то чтобы прекрасно, но живо и привлекательно.

Этот поцелуй потакал его фантазиям, он до сих пор помнил вкус ее губ. Странно, когда он обводил кончиком языка ее рот, ему почудилось, что этот вкус ему давно знаком.

Он помнил нежные изгибы ее тела, когда она прижалась к его груди. Хорошо, что острая боль в правой руке и ноющее бедро отвлекли его от воспоминаний. Элис пустил гнедую бок о бок с ее мерином, благо Перси отпустила поводья – она в это время обеими руками поправляла локоны, выбившиеся из-под сетки прически. Ворот амазонки был открыт – там, где отсутствовал шарф, – и Элис скосил глаза на ее белую стройную шею в вырезе платья.

Вчера ее вечерний наряд обнажал гораздо больше прелестей, но – странное дело – он казался скромнее, чем этот распахнутый ворот. Он поднял взгляд. По ее крепко сжатым губам Линдон догадался: она знает, куда он заглядывал.

Останься он в Англии в то время, когда она, неразумное дитя, превращалась в соблазнительную женщину, вряд ли эти перемены произвели бы на него такое впечатление – верно, он все равно видел бы в ней малышку Перси. Однако Линдон прекрасно понимал, чего ему хочется сейчас, когда он смотрит на нее.

– Мы оба – пассажиры «Королевы Бенгалии», – сообщил он очевидное, тщаь удержать ее подольше возле себя и между тем спровоцировать на более острые высказывания.

Он помнил, как на приеме поддразнивал ее, рассуждая о воздаянии и покаянии, и как эта перепалка неожиданно возбудила его фантазию. Приятно представить, как он барахтается в постели с острой на язычок, свирепой леди Перси и она пытается залепить ему пощечину. Пожалуй, он позволит ей нанести пару ударов, прежде чем...

– Да, – согласилась она настороженно.

Несомненно, некоторые его фантазии отразились на его лице. Элис поерзал в седле и постарался стряхнуть внезапное наваждение, причиняющее ему физические неудобства. Будет лучше, если он продолжит представлять ее тем простоватым товарищем по детским играм, которого не надо было подзывать дважды – зеленоглазая тихоня ловила каждое его движение.

– Вам, конечно, не терпится добраться до дому, – добавила она с вежливой сдержанностью. – Соболезную вам: говорят, лорд Айверн тяжело болен.

– Благодарю.

Он не мог ничего более сказать для продолжения беседы – все, что приходило ему на ум, было или ложью, или лицемерием. Судя по тому письму, что он получил еще месяц назад из замка Линдонхолт, у него были все шансы уже числиться маркизом. Но как бы он ни печалился, никакого искреннего сострадания по отношению к отцу не испытывал. Они никогда не были особенно близки, а обстоятельства их разрыва и вовсе горько вспоминать. Даже если отец еще жив, как сможет он найти общий язык с этим повидавшим жизнь, закаленным двадцатидевятилетним мужчиной? Ведь он помнит его только злым и наивным юнцом, убежавшим из дому.

Кроме того, не следует забывать и о мачехе – Иможен. Что ей ожидать от пасынка, который не пожелал присутствовать на ее свадебной церемонии?

Ей предстоит жестоко разочароваться, если она осталась хозяйкой в доме, полагая, что он простит ее или до сих пор питает к ней нежные чувства. Ей следует удовлетвориться полагающейся вдове долей имущества и убраться в свой особняк. А он намерен в скором времени ввести в родовой замок свою новобрачную. Она представлялась ему нежной, скромной и целомудренной леди, воспитанной в строгих правилах. Он выберет ее из своего круга, она родит ему наследников и будет замечательной хозяйкой дома. Но – никаких сердечных переживаний с его стороны, любовь оставим для идеалистов и романтиков, а он не из их числа. От-

ныне и навсегда.

– Не хотите ли поделиться своими мыслями? – прервала Перси затянувшееся молчание: ее настороженность сменилась лукавством.

Он чуть не улыбнулся в ответ: эта оригинальная леди сейчас так напомнила ему ту терпеливую девчушку, которая никогда не обижалась на кумира, позабывшего о ее присутствии. А может быть, ей и самой было проще жить, когда он не обращал на нее внимания?

– Мечтаете о родном очаге?

– Вряд ли мои размышления стоят и гроша. Мэм, благодарю вас за доставленное удовольствие. – Он чуть наклонил непокрытую голову, повернул лошадь в направлении губернаторской резиденции и пустил ее в легкий галоп.

Некоторое мгновение он еще колебался, не остаться ли ему с ней и предложить проводить ее до дому. «Но надо ушибиться головой достаточно сильно, чтобы появились такие намерения», – думал Элис. Он, пожалуй, успеет в ближайшие три месяца лучше узнать Перси Брук в узких пределах корабля, к тому же вовсе не в роли старшего брата, каким она помнила его с детства.

Он не будет вызволять ее из затруднительных положений или отбивать у назойливых молодых хлыщей. Зачем же старить себя, забивая голову такими мыслями? А что касается того нечаянного поцелуя, так она весьма проворно ухватила суть дела, даже если и просто ответила ему. Она достаточно

искушена, чтобы принять это как должное, учитывая его репутацию повесы, так что здесь ему не о чем беспокоиться.

Элис рысью въехал на широкий двор губернаторской резиденции и спешил с некоторой осторожностью. Генерал-губернатор был в отъезде, но он тоже был большой охотник до экзотических растений, так что Элис сослался на некое давнее изустное приглашение, чтобы провести в резиденции несколько недель, оставшихся до отплытия корабля.

«Проклятая нога! Пожалуй, надо показаться доктору, и тот прочтет лекцию о том, как глупо скакать галопом с незажившей раной на ноге». Но предстоят несколько недель без энергичных физических упражнений, поэтому он ежедневно разминался верховой ездой в прохладные утренние часы. Несомненно, Перси руководствовалась такими же соображениями.

Все эти размышления снова заставили Элиса вспоминать о Перси, о безудержной скачке, и эти две картины невольно соединялись в его воображении в одну – довольно скабрезную. Нет, его чувства к ней далеко не братские, а гораздо ближе к тем постоянным наваждениям.

– Проклятый дурак, – оборвал он себя, и джемадар⁸ у дверей испуганно вздрогнул.

Умные, своевольные, умеющие отстаивать свое мнение молодые женщины со скандальным прошлым и горячим нравом – это не то, чего он ищет. Кроткая и послушная, нежная

⁸ Джемадар – офицер-туземец, дворецкий.

и естественная, настоящая леди, которая не принесет ему никаких бед и скандалов, словом, английская роза в цвету, — вот его идеал, но Перси Брук и бутоном никогда не была на этом кусте, разве что колючим шипом.

Глава 3

Хромая по лестнице вверх на второй этаж, Элис вспомнил, как Перси приглаживала перевязь на его шее, и рассмеялся – уж очень забавным было при этом ее лицо. Двое мужчин, выходявших из приемной, остановились, услышав его смех.

– Черт зубастый, Линдон, что с вами приключилось? – приветствовал его один из близнецов Чаттертон, верно, Дэниел – который флиртовал с Перси на приеме. – Снова встретились с тем тигром?

– Да, лошадь моя свалилась на пустыре, и рана на бедре открылась. Надо бы зашить – вы, случаем, не видели доктора Иванса? Стоицизм – это не метод лечения открытых ран в тропическом климате.

– Нет, мы только что забежали оставить кое-какие документы и пока ни с кем не виделись. Давайте проводим вас наверх в вашу комнату, пока разыщут доктора.

Один из близнецов крикнул вниз джемадару: «Дак тар ко булайе».

«Это Коль, – подумал Элис, жестом отказываясь от предложенной поддержки. – Он всегда готов помочь».

– Да я и сам дойду, только пусть принесут мне что-нибудь тонизирующее, пока ищут доктора. С утра не пьют, но надо же нам когда-то начать лечиться.

Братья прошли следом за Элисом в его апартаменты и остались вместе с ним ожидать, пока сирдар⁹ принесет бренди.

– Что, лошадь попала ногой в яму? – участливо спросил Дэниел.

– Не все так просто. Чуть не столкнулся на полном скаку с леди Перси – она неслась так, словно за ней все черти гнались. Я резко натянул поводья, чтобы не столкнуться с ней, и лошадь потеряла равновесие. Леди не пострадала, – добавил он, когда Коль открыл было рот. – Забавное совпадение, надо же было нам встретиться здесь. Наши семьи соседствуют, но я не виделся с ней целую вечность.

– Вы ссорились с ней раньше? – спросил Дэниел, и братец вознаграждал его чувствительным пинком по лодыжке.

– А, вы заметили некую натянутость в наших отношениях? В детстве я дразнил ее – все мальчишки склонны издеваться над маленькими противными девчонками, которые вертятся у них под ногами. Я и не знал, что она теперь в Индии.

– Ну да, после тайного бегства с... – начал было Дэниел. – Э... вы же знали об этом?

– Конечно, – подтвердил Элис. Да, вчера он слышал разговоры о том скандальном поступке. Нечто похожее на правду, и это его почему-то чертовски заинтриговало.

– Тогда можно и поболтать, тем более вы знаете эту се-

⁹ Сирдар – офицер-распорядитель.

мью. Мой кузен нам писал о том случае. Леди П. сбежала с неким парнем, разъяренный отец перехватил их по пути в Гретни, да еще та святоша леди Сент-Джордж подвернулась кстати – она сама наблюдала эту сцену и потом живописала все непристойные подробности – всякую чепуху, знаете ли, так что крупный скандал в обществе был обеспечен.

– Все не так плохо, если лорд Уайкоум перехватил их, – обронил Элис будничным то ном. Между тем вернулся слуга, принес бренди и доложил, что доктор уехал, но скоро должен вернуться.

– Да, неплохо, если бы только еще и леди Сент-Джордж держала язык за зубами. Но беда в том, что отправились они из Лондона, а папаша перехватил их на полпути в Ланкашир.

– Вот как! – Ночь, может, две – наедине с любовником. Явно скандал! – А почему она не вышла замуж за того парня? Уайкоум достаточно богат и влиятелен, он практически любого – если только тот не герцог королевских кровей – мог бы притащить к алтарю и тем заткнуть всем рты. А неугодного зятя можно затем и сослать в какой-нибудь гнилой угол, типа Вест-Индии.

– Она сама не захотела, как мы поняли. Отказалась категорически. Мой кузен передал ее слова: она сказала, что он храпит, как конь, отважен как мышь, а повадки у него как у хоряка. Она готова признать, что допустила серьезную ошибку, но жить с этой ошибкой не желает. Так что отец отослал ее сюда, на попечение тетки леди Вэб.

– Дэниел, – оборвал его Коль, – ты сплетничаешь о леди, с которой мы знакомы.

– Которая сама жаждет упоминать об этом, – возразил близнец. – Я слышал на днях, как она на пикнике отбрила мисс Эппингем, которая грязно намекала на тот скандал, и леди Перси в ответ заметила, что была бы просто счастлива поделиться своим опытом, если это поможет мисс Эппингем не свалить дурака и завоевать расположение майора Гиддингса, у которого кодекс чести – можно не сомневаться – как у дикого кота, а мисс Эппингем привлекает его единственно своими... талантами. Знаете, я едва сдержался, чтобы не расхохотаться. – Дэниел одним глотком осушил свой бокал бренди – и Коль укоризненно покачал головой.

«Все это похоже на самозащиту в форме нападения», – подумал Элис. Перси конечно же не могла быть настолько бесстыдной, чтобы бравировать тем скандалом, и его восхищало ее мужество: спокойно признала факт и сумела отомстить за себя. Он не мог не восхититься и мудростью лорда Уайко ума, сумевшего вполне разобраться в обстоятельствах. Он отослал дочь подальше от лондонского света и в то же время оставил ее на виду во избежание новых сплетен. Зато всем понятно, что она не беременна: три месяца путешествия на корабле под флагом Ост-Индской компании не оставляли шансов скрыть такой факт.

Но какого черта она сбежала с тем, за кого не собиралась замуж? Налицо некая ошибка, а она и в самом деле роман-

тичная дурочка – ведь он именно тем и поддел ее. Определенно, Перси владела искусством флирта – он наблюдал, как она очаровывала Дэниела Чаттертона на том вечере, – странно, однако, что она не испробовала свои уловки на нем. Впрочем, понятно – он слишком досадил ей.

Но что бы там она о нем ни думала, не стоит привязываться к ней духовно: ничего нового для себя в физическом плане он не откроет в этом плаваньи, а его неодолимо тянет к ней. Он желал Перси Брук – вопреки всем сомнительным обстоятельствам; и ему придется позаботиться, чтобы все свелось только к этой жажде. Элис отпил из бокала, наслаждаясь вкусом бренди. Ему никогда не была свойственна осторожность.

– Перси, взгляни на себя! – сердито выговаривала племяннице Эмма Вэб, возвышаясь среди груды дорожных сундуков и рулонов упаковочной бумаги. – Прическа сбилась, и шарфа нет. Что еще за приключение на мою голову?

– Небольшое происшествие на пустыре.

Перси решительно прошла в комнату, сдернула перчатки и поцеловала тетюшку в щеку.

– Пустяки, не беспокойтесь, милая моя тетя. Лорд Линдон свалился с лошади, у него открылось кровотечение, так что мой шарф пришелся как раз кстати. – Войдя в гардеробную, она улыбнулась горничной-туземке, которая переливала из медного кувшина воду для купания.

– Вот как? – Тетя стояла у двери, в руках у нее была свернутая шаль. – Кто-то мне сказал, ты повздорила с ним вчера на приеме. О боже, плохая из меня компаньонка, не хотелось бы подвести своего брата.

– Тетя Эмма, мы с ним не виделись с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, – пояснила Перси, сбрасывая амазонку. – И мы просто продолжили наш старый спор о том, стоит ли рвать одежду из-за лягушки. Он ничуть не изменился – все такой же.

И все так же невероятно привлекателен – к несчастью. Некогда она полагала, что возмужавший Элис Линдон не унаследует черт того юнца, которым она восхищалась; ей и в голову не приходило, что восемь лет спустя он станет для нее еще желаннее. Разумеется, это всего лишь голос плоти. Она теперь достаточно взрослая, чтобы понимать такие вещи. Она пожертвовала ему свою девственность, и с тех пор любовников у нее не было, так что ее реакция вполне естественна.

Жаль, что у него не рябое лицо и нет косоглазия, и отсутствует двойной подбородок, и смех его не похож на крик осла. Ей было бы легче бороться со своим неуместным желанием...

Перси решительно приказала себе забыть о своих фантазиях и уселась в ванну, до половины наполненную прохладной водой – прекрасное средство остудить свои мысли. А мысли потекли весьма странные. Вспомнила, как ей каза-

лось, что она хочет выйти замуж за Стива Дойла, но разочаровалась, как только он вознамерился заняться с ней любовью; а затем она твердо решила немедленно бежать от него – стоило ей добраться до его бумажника, в котором хранились ее деньги.

Теперь она была уверена в том, что Элис Линдон не только самый обаятельный мужчина среди ее знакомых, но и бесчувственный повеса; тем не менее ей хотелось целовать его до истомы – и убедиться, что он тоже опьянен ею. Такие мысли привели ее к печальным выводам: во-первых, она до сих пор склонна к фривольному поведению и, во-вторых, не способна извлекать уроки из своего прошлого.

– Вроде бы все упаковали, – послышался довольный голос тети Эммы из спальни. – Сундуки уже отправлены на пароход, осталось только проверить то, что ты берешь с собой в каюту. Двенадцать недель путешествовать – не забыть бы чего.

Перси выбралась из ванны, ее обернули льняной простыней, и тетя снова появилась в спальне.

– Надеюсь, миссис Бастэбл не подведет и с радостью приглядит за тобой и мисс Хейдон, если я правильно ее поняла. Но что-то радости в ней с избытком.

Эйврил не бывала в Англии с тех пор, как ее вывезли сюда еще годовалым младенцем, теперь ей предстояло совершить это путешествие ради бракосочетания с виконтом Брэйдоном, но жениха своего она еще даже не видела. «Может, я

тоже позволю папочке подобрать мне мужа, – подумала Перси. – Его выбор не будет хуже моего». Мудрый отец вряд ли прельстится бледной копией Элиса Линдона.

– Не часто мы провожаем невест в большой свет, – озабоченно произнесла леди Вэб.

– Думаете, я неудачница? – Перси полушутливо скосила глаза из-под гребня, которым служанка расчесывала ей волосы. – Надо же, приехать под флагом рыболовецкого флота и не поймать даже салаки¹⁰.

«А надо ли мне вообще выходить замуж? У меня в следующем году появятся собственные средства – когда мне исполнится двадцать пять...»

– Не паясничай, – проворчала тетушка. – Молодые леди наезжают в Индию по разным причинам, не только ловить женихов.

– Я ни о чем таком не думаю, – заверила ее Перси. – Мне хватило и одного скандала. Ясно, папа мечтал, что я подцеплю здесь восходящую звезду Ост-Индской компании, как и вы в свое время.

– Как и я, правда? – радостно подхватила леди Вэб. – Мой дорогой Джордж – просто сокровище. Но далеко не каждая согласится жить в таком климате или годами терпеть вынужденную разлуку ради здоровья детей. – Она взяла список ве-

¹⁰ Рыболовецкий флот – ироническая ссылка на доставку незамужних молодых женщин из Великобритании в Индию с целью их вступления в брак с чиновниками колониальной администрации.

щей и за бормотала над ним. – Ну а ты возвращаешься домой, когда все твои глупости уже забылись, и как раз вовремя – открывается бальный сезон.

«Твои глупости». Всего два слова понадобилось, чтобы разделаться с попорванными надеждами, самообвинениями и ужасным скандалом в благородном семействе. Со Стивом Дойлом папочка вел себя абсолютно корректно, что означало: она абсолютно не понимает мужчин. Из этого следовало, что Элис Линдон был само совершенство и добродетель. Перси улыбнулась своим мыслям – нет, она раскусила его: этот мужчина – заурядный повеса.

10 декабря 1808 г.

– До Рождества – две недели, – рассуждала Перси, стоя у ступеней гхата¹¹ и обнимая тетушку. – Даже представить трудно – в такую жару. Но я оставила подарки для вас с дядей на туалетном столике в моей спальне, и там еще кое-что для всех слуг. – Она понимала, что болтает всякую чепуху, но очень трудно подобрать прощальные слова, когда не знаешь, доведется ли снова свидеться.

– А я кое-что положила тебе в сумочку, – призналась теть Эмма, улыбаясь сквозь слезы. – Бог знает, как вам там придется праздновать Рождество на корабле. Так ты уверена, что все взяла?

– Я проверил еще вчера, – успокоил ее дядюшка, погла-

¹¹ Гхат – каменное ступенчатое сооружение на берегах священных рек, служащее для ритуального омовения индусов и как место кремации; речная пристань.

дил жену по плечу, боясь, что она сейчас разрыдается, и, уже обращаясь к Перси, сказал: – У тебя прелестная каюта в кормовой надстройке, под верхней палубой, как мне и обещали. Там поуютнее, чем в центральных каютах, меньше шума и запахов. К тому же в общем салоне собираются все дамы, а ты будешь обедать в кают-компании у капитана, доступ туда открыт немногим пассажирам.

– Но там эти ужасные парусиновые переборки, – возразила его жена. – Мне было бы спокойнее, если бы Перси ехала в каюте с деревянными перекрытиями.

Это было темой их споров в течение последних недель.

– Зато там лучше дышится, – успокаивала их Перси. – Конечно, я чувствовала себя в полной безопасности по пути сюда, но в том отсеке под носом у пассажирского салона было очень уж душно. И пахло там отвратительно – уже к концу первого месяца плавания.

– Весь твой гарнитур на месте, в целости и сохранности, – подмигнул ей дядя.

«Весь» – это громко сказано, словно ей предстояло путешествие в люксе. В каюте был обычный корабельный каркас для постели, привинченный к полу, но пассажирам разрешалось дополнять интерьер тесного помещения вещами по своему вкусу – так легче переносить тяготы путешествия. Перси взяла для себя новый матрас, набитый кокосовой копррой, перьевую подушку, постельное белье и полотенца. Выбрала удобный комод, на который можно поставить умываль-

ник или конторку для письма, и приставила к нему винтовой стул. Сундук с одеждой вполне заменит и шкаф, и стол, а остальные дорожные сумки полагалось втиснуть под койку.

– На этом корабле есть ватерклозеты для пассажиров и команды, – добавил лорд Вэб.

Поистине это было просто счастьем по сравнению с тем помойным ведром и умопомрачительными дырами, через которые все сливалось в море, как это было на судне, которое доставило ее сюда.

– Удобства просто замечательные, – заверила Перси. – Смотрите, нам подают сигнал спускаться в баркасы.

Влиться в этот стремящийся к причалу поток пассажиров, носильщиков, попрошайек, моряков и писклявых детей все же лучше, чем оттягивать минуту надрывного прощания; однако ей было не по себе при мысли, что сейчас придется сесть в баркас, переправляющий пассажиров на корабль. Больно расставаться с тетушкой и дядей – Перси даже представить не могла, что найдет в их доме такое понимание и участие; она едва сдерживалась, чтобы не зарыдать и не броситься им в объятия, иначе тетя окончательно расстроится.

– Я люблю вас, милые. Я оставила вам письмо, оно в пакете с рождественскими подарками. Мне пора идти.

Дядя взял ее за руку, кивнул носильщику и, оставив тетушку, всхлипывающую в носовой платок, провел Перси сквозь толпу к неровным ступеням, спускающимся в быстрые волны темной реки.

– Крепко держись за меня! Смотри прямо перед собой, милая. – Вода бурлила над ступенями, Перси оступилась на осклизлом камне и в панике ухватилась за поручни сходней подплясывающего на волнах баркаса. Корма судна плавно отошла от причала, и Перси повисла над водой.

– Леди Перси! Руку, мэ. – Это был Элис. Он стоял на банке.

– Я не могу, сэ.р.

Он поймал ее руку, подтянул на корму, перевел Перси на борт и передал под опеку одного из близнецов Чаттертон.

– Присядьте сюда, леди Перси. – Это заботливый Коль, решила она, благодарно улыбнувшись в ответ, и постаралась восстановить дыхание, пока дядя передавал Элису ее ручной багаж, а тот укладывал сумки как раз под ту доску, на которой она примостилась. – Неприятно в этой толчее, да?

– Да. – Она с трудом сглотнула, кивнув, выдавила из себя улыбку и помахала дяде, когда лодка отчалила. Подошел Элис и сел напротив. – Благодарю вас. Я так боюсь воды. На большом корабле совсем по-другому. Это бывает во время качки. – Она почувствовала, что говорит быстро и несвязно, и замолкла.

– А чего вы боитесь? – спросил Элис. Он неотрывно смотрел ей в глаза, и она поняла, таким образом он старается отвлечь ее от мыслей о том, что они сидят в низко осевшем баркасе над бездной воды. – Мне представляется, что только настоящая опасность могла бы устроить девушку с таким

самообладанием.

– Что ж, спасибо. – Боже, оказывается, он умеет щадить ее чувства. Перси улыбнулась и чуть успокоилась.

– Могу угадать – вы однажды попали в неприятную переделку, – продолжил он – и улыбка ее застыла; чувство застарелой вины взметнуло сердце, и ее словно окатило жаркой волной.

И она вздохнув, безотчетно начала рассказывать свою историю:

– Я гуляла по пляжу со своей гувернанткой, мне тогда было восемь, набежала большая волна, подхватила меня, протащила по гальке и потянула вниз, на глубину. – Она прикрыла глаза и снова увидела зеленоватую воронку водоворота и толщу воды над головой – она не дает ей дышать, ее тащит по каменистому дну. – Мисс Ричардс бросилась вслед за мной, ей удалось вытащить меня на берег. Но следующей волной ее смыло в море. Она захлебывалась, а я ничем не могла ей помочь – у меня была сломана нога. После этого происшествия несчастная женщина заболела воспалением легких и едва не умерла.

– Но вы и не смогли бы помочь, – уверенно произнес Коль. – Вы были ребенком, к тому же получили травму.

– Но ведь я не послушалась ее и подошла слишком близко к воде. Это была моя вина.

Ее тогда не выпороли за плохое поведение, потому что мисс Ричардс никому не пожаловалась на нее. Но вина за

свою детскую выходку так и мучила ее, и она до сих пор боялась подходить близко к воде.

– Но вам это не помогло – вы рискуете до сих пор, – бесстрастно заметил Элис.

– Линдон. – Тон Чаттертона был предостерегающим.

Элис приподнял бровь и, ничуть не смутившись, продолжил:

– Полагаю, леди Перси заслуживает искреннего отношения.

– Да, это предпочтительнее лицемерия, – огрызнулась она. – Действительно, я привыкла рисковать, но только с тех пор я всегда заранее убеждаюсь, что весь риск достается мне.

– Моей ноге уже лучше, – вставил Элис явное *non sequitur*¹² таким тоном, словно продолжал разговор.

Перси сладко улыбнулась:

– Делаю исключения для тех, кто столь же безрассуден, как и я. Рада, что вам не пришлось сильно страдать из-за последствий вашей опасной скачки.

– Прибыли, – провозгласил Чаттертон с таким видом, словно он согласен пребывать где угодно, только не среди вежливо пререкающихся аристократов.

– Сейчас спустят беседку для леди, – сказал Элис, поднимаясь с места. – Эй, там! Эта леди пойдет первой.

– Что? Нет! Я могу и подождать! – Но Перси уже была

¹² Логическое несоответствие предыдущему высказыванию по теме, то есть не к месту (*лат.*).

безжалостно втиснута в сиденье, закрепленное на конце троса. В мгновение ока ее взметнули вверх, покачали над водой – при этом ее затошнило – и со стуком опустили на палубу. – Ох! Нелегкая!

– Мэм? По-моему, лучше всего подниматься налегке и побыстрее, пока не успели ничего придумать. – Вежливый молодой офицер поддерживал ее за локоть. – Леди Перси? Я лейтенант Томпкинс, помощник капитана. Лорд Вэб попросил меня поухаживать за вами. Мы познакомились на приеме, мэм.

– Мистер Томпкинс, – Перси сглотнула слюну и тошнота прошла, – разумеется, я помню вас.

– Проводить вас в каюту, мэм?

– Подождите минутку, я хочу поблагодарить джентльмена, который мне только что помог.

Женщин и детей продолжали переносить на борт в беседке. Многие из них пронзительно вскрикивали при подъеме. «Я, по крайней мере, не визжала», – порадовалась Перси тому, что не пострадало ее чувство собственного достоинства. О чем она думала, выбалтывая мужчинам тот детский кошмар? Неужели не могла сдержать свой язык? Видимо, качка в баркасе испугала ее, натянув сверх предела нервы, измотанные печалью разлуки и тревожным предвкушением того будущего, что поджидало ее в Англии. И привычное мужество изменило ей.

Перси терзалась от досады, а мужчины тем временем уже

поднялись по веревочной лестнице, перекинутой через борт. Перси подошла к Элису – он стоял на палубе вместе с Колем Чаттертоном.

– Премного благодарна вам за помощь, джентльмены. – Она одарила Коля теплой улыбкой. – Лорд Линдон, вы настолько искусны и решительны, что, боюсь, вам в этом путешествии придется соблюдать особую осторожность. За вами наблюдали некоторые впечатлительные юные леди, которые теперь склонны считать вас образцом мужественности, так что они не замедлят предоставить вам шанс спасти их. Я приложу все силы, чтобы предостеречь их, но они, разумеется, сочтут меня просто завистницей.

Она дерзко взмахнула ресницами и направилась к лейтенанту Томпкинсу – за ее спиной послышался взрыв смеха мистера Чаттертона, а Элис молчал. На этот раз последнее слово осталось за ней.

Глава 4

Перси сидела в каюте и пыталась заставить себя встать и выйти на палубу. Сквозь мутное стекло незадраенного иллюминатора – роскошь, доступная обитателям верхних кают, – ей было видно, что они готовятся пуститься в путь вниз по реке Хугли.

Перси не смогла найти для себя предлога, чтобы остаться в каюте. Она уже разложила все свои вещи по местам – как можно аккуратнее. Набросила цветную шаль на кровать; повесила семейные миниатюры на гвоздики в переборках; втиснула книги рядком на импровизированную полку – все романы; отказалась от услуг гувернантки миссис Бастэбл под тем предлогом, что в каюте и одной тесно; умылась и причесалась. Итак, больше нет причин сидеть здесь – разве что желание избежать встречи с Элисом Линдоном.

– Перси? Уже подняли паруса – мы вот-вот отчалим. Вы не хотите выйти на палубу? – позвала Эйврил из соседней каюты по другую сторону брезентовой переборки.

«Мужайся, Перси, – сказала она себе, сжимая пальцы в кулаки. – Нельзя же сидеть здесь безвылазно все три месяца». Она с детства смирилась со своей прямоотой и научилась создавать вокруг себя обманчивую для многих ауру стиля и шарма. Она была упряма и капризна, но научилась обуздывать своеволие, поэтому в трудных обстоятельствах всегда

принимала удар на себя. Или ей казалось так, пока вся семья не стала объектом сплетен из-за ее ужасной ошибки в отношениях со Стивом Дойлом. Но в Индии она справилась с кривотолками весьма просто: притворилась, что ей все безразлично.

«Но это не так, – думала Перси. – Мне небезразлично, что обо мне думает Элис, и это глупо с моей стороны». Предмет ее детского обожания превратился в заурядного повесу, зато он – перспективный маркиз, так что нетрудно было угадать его мысли по поводу соседской девчонки с подмоченной репутацией и острым язычком. Притворство. Неужели его нежная страстность тогда, восемь лет назад, была просто уловкой юнца, обещающего стать развратником? Должно быть, это правда, поскольку он не сохранил никаких воспоминаний о том эпизоде своей жизни, иначе снова назвал бы ее, как тогда, милой Перси, его сладкой девочкой...

– Сейчас выйду! – крикнула она Эйврил, складывая губы в улыбку – она знала, что это обязательно отразится на тоне ее голоса. – Подождите, мне надо надеть шляпку. – Она взглянула в зеркало над вешалкой для одежды и пощипала щеки, вызывая румянец; проверила, не расплылась ли тушь на ресницах; надела свою любимую шляпку с широкими полями и завязала тесемки под подбородком кокетливым узлом. – Вот я и готова.

Эйврил легко и дружелюбно – эта ее манера всегда покоряла Перси – взяла подругу под руку. Мисс Хейдон скром-

но держалась с незнакомцами, но стоило ей признать кого-то своим другом, ледок в отношениях сразу таял.

– Вот и начинаются наши приключения! Как волнующе, правда?

– Посмотрим, что вы скажете через месяц, когда все вокруг провоняет, как на скотном дворе, и погода испортится, а еще несколько недель придется питаться одними консервами и выть от тоски, видя перед собой одни и те же лица, – говорила Перси, выходя с подругой на палубу.

– Я и забыла, что у вас уже есть опыт путешествий. Я-то не помню, как мы ехали в Индию, – маленькая была. – Эйврил раскрыла зонтик от солнца и положила руку на перила. – Прощальный взгляд на Калькутту.

– Не жаль покидать ее? – спросила Перси.

– Жаль. Но я понимаю – это мой долг. Мне предстоит блестящее замужество, папа и братья видят в нем прекрасные перспективы для нашей семьи. Мне было бы гораздо тяжелее расставаться, будь моя матушка жива.

«В сущности, – думала Перси, – вас продают в обнищавшую аристократическую семью, чтобы заручиться нужными связями, когда ваша семья вернется в Англию».

– Лорд Брэйдон весьма любезный джентльмен, – признала Перси.

То же самое она говорила о нем и раньше, когда Эйврил взволновалась, узнав, что Перси знакома с ее суженым, но она не смогла бы придумать ничего более положительно-

го. «Холоден и заносчив, весьма зауряден, но кичится своей знатностью», – подумала она. Вряд ли такой набор качеств обрадует ее подругу. А его отец, граф Кингсбери, – циничный игрок, чьи привычки прожигателя жизни и стали причиной этого мезальянса.

«Единственное спасение, – размышляла она, – если сэр Джереми Хейдон жестко оговорил в брачном контракте номинал приданого, закрепленный за его дочерью». Но она подзревала, что хитрый и состоятельный набоб успел побеспокоиться о каждой запятой.

– Еще целых три месяца будете наслаждаться девической жизнью, – заметила Перси. – Можно и пофлиртовать – ухажеры здесь найдутся.

– Я не смогу! – Эйврил взглянула на палубу: целая вереница холостяков стояла вдоль поручней. – Да я просто не умею. Я слишком застенчива, даже с такими приятными джентльменами, как братья Чаттертон, а на большее... э... – Она не мигая смотрела на Элиса Линдона.

Словно почувствовав внимание, Элис обернулся и приподнял шляпу в знак приветствия.

– Ну конечно, – согласилась Перси, кивнув в ответ с тем достоинством, какое порадовало бы вдовствующую герцогиню. Элис приподнял бровь – наглец! – и затем продолжил созерцать открывающуюся перспективу. – На самом деле лорд Линдон не заслуживает внимания. Не советую общаться.

– Но вы ему нравитесь, и вы сама вовсе не боитесь с ним

общаться – на самом деле, – проникательно заметила Эйврил. – Именно поэтому вы ему, вероятно, и нравитесь. Вы не краснеете и не запинаетесь, как я, не хихикаете, как те глупышки. – Она кивнула на стайку богатых невест, толкавшихся возле мужчин.

– Я нравлюсь ему? – Перси пристально посмотрела ей в лицо. – Элис Линдон ничуть не изменил своего мнения обо мне после встречи на приеме. И происшествие на пустыре только усугубило дело. Не забывайте – он знает меня с детства. Я для него – всего лишь простая соседская девчонка, которая боялась лягушек и бегала за ним по пятам.

Соответственно он и относился ко мне, как к младшей сестре, досаждающей, как заноза в пятке. – Она промолчала о том, что та, повзрослев, смутилась, обнаружив, что он вскружил ей голову.

– Что ж, зато теперь все при вас, – отметила Эйврил, устремив взгляд на удаляющийся берег, между тем как «Королева Бенгалии» плавно шла вниз по течению. – Допустим, я миловидна, зато вы умеете подать себя, у вас есть чувство стиля и – некая изюминка.

– Ну что вы, право! – Перси была тронута. – Ни вы, ни я не охотимся за женихами, поэтому будем просто отдыхать и наблюдать, как остальные девицы беззастенчиво корчат из себя неизвестно что. А мужчины, как водится, упрямые создания, так что мы с вами рискуем оказаться самыми желанными женщинами на борту этого корабля!

Обед, назначенный на два часа пополудни, не дал возможности немедленно проверить теорию Перси. Два десятка высокопоставленных пассажиров собрались в кают-компании под кормовой рубкой и завязали вежливую беседу, не без препирательств относительно табели о рангах. Все остальные обедали в большом салоне.

Капитан Арчибалд вполне владел ситуацией и был скор на расправу, так что Перси указали на место по его левую руку, а слева от нее усадили Элиса. Эйврил отослали в конец стола, разместив между юным отпрыском епископа и одним из близнецов Чаттертон.

– Вы удобно устроились, милорд? – отважилась произнести Перси, внимательно наблюдая за супницей: из нее половником черпали бараний бульон, и платья леди рисковали пострадать от него.

– Неподалеку от общего салона, – ответил Элис. – Места вполне достаточно, но по соседству едут две семьи с маленькими детьми, так что будет довольно шумно. А у вас свои минусы: матросы будут снова наверху круглые сутки, а на полуюте, как я понимаю, размещены клетки с цыплятами. Не с козами, к вашему облегчению.

– Но у нас открывающиеся иллюминаторы.

– Значит, поедете в пуху и перьях.

Перси надеялась просто поболтать за обедом, но отчего-то чувствовала себя скованно и каждый раз мучительно подыс-

кивала слова, что было отнюдь не в ее стиле. Пусть он ничего и не помнит, но уж слишком больно ей вспоминать их детство, учитывая, как они тогда расстались. А поскольку Перси твердо вознамерилась не высказывать никаких провокационных намеков и не флиртовать, лучше было свернуть этот неловкий разговор о бытовых неудобствах.

– Чем вы предполагаете заняться в путешествии, милорд? – осведомилась она, воспользовавшись паузой при перемене блюд – подали рыбу под соусом карри.

– Уже занялся, я пишу, – ответил Элис, передавая ей блюдо с чатни¹³.

Корабль все еще шел по реке тихим ходом, но Перси едва не выронила тарелку.

– Пишете?

– Я путешествую с тех самых пор, как попал на Восток, – пояснил он. – Вожу с собой тетради для путевых заметок. Может, что-то получится – не только ради самоудовлетворения.

– С удовольствием прочту ваши сочинения, когда их опубликуют.

Элис иронически взглянул на нее.

– Я не шучу. Мне самой хотелось бы попутешествовать. Но тетя и дядя были категорически против, когда я высказала такую идею.

– Не удивляюсь. Индия – не та страна, по которой девуш-

¹³ Чатни – блюдо индийской кухни, фруктово-овощная приправа.

ки могут носиться галопом верхом на лошади в поисках приключений.

— А я и не хотела носиться галопом, — уязвлено возразила Перси. — Я желала наблюдать и учиться.

— Вот как? — произнес он с вежливым скептицизмом. — Вы намеревались переодеться в мужское платье и путешествовать инкогнито?

— Нет, не намеревалась. — Перси цепляла на вилку кусочек пряной цветной капусты и представляла Элиса на кончике этой вилки. — Мне просто интересно, как живут люди в других странах. Но, по-вашему, такое дозволено лишь мужчинам, а не женщинам. Какое лицемерие!

— Просто жизненный опыт. Это довольно опасно. — Он повертел правой кистью — бинты с нее уже были сняты.

Перси покосилась на бугристый багровый шрам, пересекавший тыльную сторону загорелой кисти.

— Я не собиралась бросаться в джунгли, милорд.

— Некоторые из так интересующих вас туземцев не менее опасны, а те джунгли, поверьте, скорее сами набросятся на вас. Это не место для романтических, своевольных, изнеженных особ женского пола, леди Перси.

— Вы считаете меня неженкой? — спросила она, пока стюард убирал тарелки.

— А разве нет? Ведь насчет романтики и упрямства вы не возражаете.

— Не нахожу ничего плохого в романтике.

– Разве только то, что она неизбежно заканчивается разочарованием – в лучшем случае или трагедией – как худший вариант. – Он высказал все это весьма легко, безо всякой рисовки, но некая горечь в его голосе намекала на личные переживания.

– У вас есть свой опыт, милорд?

Перси придала голосу непозволительно дерзкие нотки, чтобы скрыть свое сочувствие. Верно, он некогда был влюблен в кого-то, но оскорблен в своих чувствах. Но, ясное дело, он скорее умрет, чем признается в этом; она тоже не собирается откровенничать с ним о своих чувствах. То есть о минувших чувствах, поправила себя Перси.

– Нет. – Он помолчал, устремив взгляд на вазу с фруктами, предложенную стюардом. – Просто наблюдение со стороны. Почистить для вас манго, леди Перси?

– Они такие сочные, вам после этой работы придется, несомненно, принять ванну, – ответила она, продолжая размышлять о своих истинных чувствах к Элису.

Любила ли она его по-настоящему? И если так, как могло случиться, что эти чувства увяли и осталось одно физическое влечение? Верно, это была всего лишь болезненная страсть, вызванная эмоциями и близостью: она тогда только расцветала как женщина и не привыкла справляться с новыми чувствами и ощущениями. И это прошло бы бесследно, не свались она в его руки, прежде чем сумела разобраться во всем.

Но если то была заурядная страсть, почему она так увлеклась Стивом? Возможно, потому, что воспоминания обычно влекут нас к внешне подобному... Она увидела выражение лица леди Гримшоу. Господи, что она только что сказала?

– Ванну, – прошептал Элис. Он, должно быть, заметил ее тревожный взгляд. – Рискуете обсуждать банные процедуры, необходимые джентльменам, леди Перси, – продолжил он нарочито громко, чтобы слышала старая гримза, уставившаяся на них своими глазами-буравчиками.

– Ах, потише, пожалуйста, – прошипела Перси в ответ, едва сдерживая смех. – Я и так у нее в немилости.

Элис начал чистить манго маленьким, острым как бритва ножом, который он вынул из внутреннего кармана.

– Почему? – спросил он, отделяя сочную мякоть от косточки и кладя дольку в ее тарелку.

– Неправедно живу, – ответила Перси, отрезала тонкий ломтик манго и попробовала фрукт. – Спасибо, восхитительный вкус.

– Вам удалось поставить на уши весь свет Калькутты, так? – Элис подозвал стюарда, который принес полоскательницу и салфетку. – Я желаю выслушать это в вашем пересказе.

– Не здесь. – И Перси взяла еще один аккуратный кружок мякоти.

Леди Гримшоу перевела свое внимание на Эйврил: та краснела, выслушивая фривольные замечания Дэниела Чат-

тертона.

– Тогда попозже, – согласился Элис, и, пока она раздумывала, стоит ли высказаться в том духе, что он будет последним на борту, кому она доложит все сплетни о себе, он повернулся к миссис Эдвардс, сидевшей слева. Ему пришлось молча вытерпеть ее жалобный монолог о тесных каютах и шумных чадах Томпкинсов.

Тогда Перси, мило улыбаясь, спросила у капитана, много ли путешествий он совершил: такая тема разговора не сулила никаких подводных камней.

Обед завершился; Перси подошла к Эйврил и увела ее из кают-компания вверх на кормовую палубу.

– Пойдемте посмотрим на цыплят, или полюбуемся панорамой, или – найдем чем заняться.

– Вы желаете поменьше встречаться с лордом Линдонном? – Эйврил подобрала подол юбки, чтобы не задеть бежавшую мимо курицу: та вырвалась из заточения, и теперь матрос гонялся за ней по всей палубе.

– Более чем, – ответила Перси. – По-моему, этот провокатор решил надо мной поиздеваться. От его шуточек я чуть не прыснула от смеха – прямо в лицо леди Гримшоу. Кроме того, у меня есть подозрение, что он наслышан о том скандале в Англии и вообразил, будто я благосклонно приму все его вольности.

Однако на самом деле ее тревожило подозрение, что ей не

устоять, если Элис снова вздумает ее соблазнить.

– Извините, не хочу вас расстроить, – храбро начала Эйврил, – но неужели ни одна из пожилых дам не сделала ему внушение? Если он слышал о том происшествии и сделал неверные выводы, что вы... то есть, – она покраснела до кончиков ушей, – если он заблуждается на ваш счет...

– Я провела две ночи в гостиничных номерах с мужчиной, с которым не состояла в браке, – пояснила Перси. – Неоценимый опыт, должна сказать.

Было горьким разочарованием открыть для себя, что привлечший ее красавец мужчина на поверку оказался жадным до денег невежей, а когда дело дошло до постели, он повел себя отвратительно.

Осознание своей ужасной ошибки снизошло на нее в тот момент, когда экипаж, нанятый на ее же деньги, прибыл в Хитчин. Стив уже несколько не заботился о том, чтобы выглядеть в ее глазах очаровательным и остроумным, не поддерживал более беседу и не спешил восхищаться ее замыслами, как он обычно делал ранее, не гнушаясь лицемерить. Он беспокоился, что их могут перехватить, и без конца расспрашивал, насколько свободно она может распоряжаться своими банковскими средствами. Когда фореиторы поняли, что затевается побег, и повели себя дерзко, он вступил с ними в бессмысленную перепалку, и Перси пришлось поставить всех на место – достойно, коротко и ясно.

К вечеру первого дня Перси решила, что с нее хватит, и

заявила, что наймет для себя экипаж и вернется домой. Но тут обнаружилось, что Стив вполне способен заставить ее войти в гостиницу и подняться в номер – он заранее вытащил все наличные средства из ее багажа и дамской сумочки.

Ей пришлось провести бессонную ночь, отбивая его попытки улечься с ней в постель. У нее было острое желание вонзить в него столовый нож, после того как он исполнил весь свой нехитрый репертуар: пробовал очаровать ее, затем пытался тискать и принудить ее.

Второй день прошел еще хуже. Стив был сердит и угрюм, а у нее исчезли последние сомнения – безусловно, он обманул и похитил ее. Папа догнал их в Престоне, к тому времени она настолько была измотана бессонницей, что просто припала к его груди и зарыдала, не обращая никакого внимания на зрителей во дворе гостиницы и не думая об отцовском гневе.

Эйврил, снедаемая любопытством, покраснела еще сильнее, но не смогла удержаться, чтобы не задать свой вопрос:

– Это и в самом деле так ужасно? Знаете, некоторые так говорят.

– С непорядочным мужчиной – да, – с чувством произнесла Перси. Словно ей и на самом деле довелось испытать подобное. Но ее передергивало при мысли о том, что Стив мог бы ее принудить. – А с настоящим... – И она прикусила язычок, так и не признавшись, какое это было счастье. – Уверена, это должно быть великолепно, – продолжила Перси, словно у нее и не было такого опыта.

Ни к чему сеять страх в душе Эйврил в преддверии свадебной церемонии, даже если она и подозревает, что ее суженый не отличается тонкостью обхождения. Перси зябко повела плечами, представив, что кто-то иной мог стать ее любовником.

О да, но как приятен был дерзостный поцелуй Элиса на пустыре! Молодой петушок в вольере взлетел на насест и громко пропел, откинув головку назад и топорща перья.

– Хорош, ничего не скажешь, – похвалила его Перси, и петушок снова закукарекал.

«Самец – он и есть самец, всегда и везде», – подумалось ей. Им необходимо внимание и восхищение самки. А Элис почувствовал, что ей понравилось соприкосновение их губ, – это ясно. Иначе он не продолжал бы поддразнивать ее. Было бы неплохо с ее стороны выказать стойкость, даже если он не догадался о ее нынешних чувствах к нему, которые можно описать всего тремя словами: желанный, вероломный, тревожащий.

– Пройдемся, – предложила она. – Надо гулять ежедневно, это полезно для здоровья.

Они кругами расхаживали по кормовой палубе, погруженные, как догадывалась Перси, в разные думы по поводу интимных брачных отношений. Пейзаж за бортом был однообразен: низкие берега дельты Ганга, наносы ила, поля, покрытые зимней стерней, стада буйволов меж деревенок, рассыпанных по дальним холмам.

– Пойду лучше к себе, надо распаковать вещи, – нарушила Эйврил затянувшееся молчание. – Понимаю, почему мне советовали прихватить с собой молоток и гвозди – не на что вешать одежду. Даже не представляю, как все это разместить и затем ухитриться не задохнуться в такой тесноте. Моя гардеробная дома гораздо просторнее!

Перси вполне понимала ее. Эйврил – неискушенная и бесхитростная – все же привыкла жить в неге и роскоши. Интересно, как ей удастся обустроить суровый спартанский быт ее суженого. Да, в любом случае ее финансы могут сильно пострадать на долгом пути к вожаделенному уюту.

Подруга ушла. Перси облокотилась о перила и погрузилась в грезы. Скоро пассажиры привыкнут подчиняться распорядку жизни на корабле и заскучают в этой рутине, лишь редкие заходы в гавани, ссоры или штормы будут ненадолго выводить их из оцепенения. По пути в ссылку она читала днями напролет, благо у нее был полный сундук беллетристики, – так она решительно отвлекалась от проблем, занимавших ее мысли. Теперь столь же решительно она готовилась встретиться лицом к лицу со своим будущим. Осталась одна проблема, подумала Перси: она пока сама не знала, чего ей хотелось от этого будущего.

– Как глубоко вы вздыхаете – несомненно, эти вздохи помогают ветру раздуть наши паруса.

Она повернула голову, но могла этого и не делать: и так знала, кто подошел к ней и встал рядом, облокотясь о перила.

Ее самая большая проблема собственной персоной.

– Пыталась представить, как пойдет моя жизнь в Англии, – ответила она предельно честно. – Какой я желаю ее видеть. «Что же случилось со мной в шестнадцать лет? Наверное, все девочки в этом возрасте влюблены в кого-нибудь и не всегда взаимно». Она снова вздохнула, вспоминая себя девочкой-подростком, которая внезапно поняла, что обожаемый мальчишка стал юношей, как и она сама – девушкой.

– Забыт ли будет тот скандал? – спросил Элис, перефразируя старую добрую песню.

Перси взглянула на него из-под ресниц. Многие, беседуя с ней, притворяются из вежливости, что им ничего об этом не известно. Только светские кошечки шипят у нее за спиной и не упускают случая царапнуть ее самолюбие едким замечанием. Или пожилые компаньонки не преминут напомнить ей о необходимости соблюдать особую осторожность в своих поступках.

– Вы знаете об этом?

– Вы сбежали из дома, и спустя двое суток отец перехватил вас по пути. Затем вы отказались выйти замуж за вашего соблазнителя. – Элис чуть подвинулся, так что их локти едва не соприкоснулись на перилах. У нее перехватило дыхание, словно он и в самом деле дотронулся до нее. – Примерно так?

– Примерно, – признала Перси.

– Почему вы отказались?

– Потому что он – как мужчина – обманул мои ожидания.

– В постели?

– Нет! Что за вопрос! – Она неожиданно для себя самой рассмеялась в ответ на его возмутительное предположение.

Перси развернулась и пристально посмотрела на него. Нет, он уже не мальчик из ее детства, но тот озорник до сих пор сидит в этом мужчине. Беда в том, что всем своим женским естеством она желала его – Элиса, такого, каким он предстал перед нею теперь.

Он ждал ее ответа, и она заставила себя говорить правду.

– Его привлекли мои деньги, но это только полбеды. Худшее то, что на поверку он оказался просто сварливым и скучным, неотесанным грубияном. Он хорошо изображал влюбленность.

«Или я, должно быть, ослепла, стремясь вырваться из этого брачного рынка, освободиться от условностей, ограничивающих жизнь незамужней девушки».

– То есть вы совсем не разбираетесь в мужчинах? – предположил Элис.

– Возможно, – кивнула Перси. – Но я подхожу к ним с *вашей* меркой, милорд.

Он неотрывно смотрел в сторону моря, и она украдкой изучала его римский профиль. Она была права, когда в разговоре с Дэниелом Чаттертоном заметила, что грубый шрам на лице делает его еще притягательнее. Этот шрам и завораживающий взгляд усиливали впечатление опасной мужественности, которой ему так не хватало прежде.

Он повернулся к ней лицом, она заглянула в его темные глаза и поняла, что вся опасность светилась именно в них: опыт, ум, тайна.

– Со всех сторон?

Она выпрямилась, с удовольствием отметив, что уже не краснеет, глядя ему в лицо; хотя порой ей казалось, что он словно читает все ее мысли. Элис развернулся, прислонившись к перилам спиной, и беззастенчиво наблюдал за ней. Перси старалась скромно отводить взгляд, и это оказалось весьма трудной задачей. Он выглядел таким сильным и свободным. Морской бриз трепал его волосы, а солнце золотило загорелую кожу. «Я хочу его. Он внушает мне неодолимое желание – примитивное, животное».

– У вас много общего с этим красавцем. – Перси кивнула в сторону клетки с петушком. – Вы такой же речистый, самоуверенный и охочий до женского пола.

Возражений не последовало, она медленно пошла через палубу к другому борту, мысленно хваля себя за находчивость, но на полпути его ремарка, посланная ей вслед, едва не заставила ее броситься прочь со всех ног.

– Что ж, благодарю, Перси. Постараюсь соответствовать вашим вкусам.

Глава 5

После той пикировки на палубе Перси тщательно избегала встреч с Элисом, теща себя надеждой, что сумела ничем не выдать своих усилий. Такая игра внушала ей чувство безопасности, хотя кровь по-прежнему продолжала волноваться, если ей приходилось видеть его издалека, и ночью она долго не могла уснуть, подозревая, что все ее надежды напрасны.

Ей помогло то, что капитан допускал некоторые послабления в табели о рангах. У него был достаточный опыт, чтобы понимать: заставь пассажиров три месяца кряду находиться за обеденным столом в обществе одних и тех же людей – и обед в лучшем случае превратится в заунывную трапезу, а в худшем – в поле брани.

Завтрак и ужин проходили в неформальной обстановке, и Перси каждый раз входила в кают-компанию или с сопровождающими, или уже после того, как Элис оказывался за столом, так что всегда была возможность выбрать безопасное место – подальше от него.

Днем Перси читала или занималась шитьем в своей каюте, одна или вместе с Эйврил, а выйдя на палубу, искала компании молодых леди. Те всегда перешептывались и секретничали, готовили подарки к Рождеству и подшучивали, выясняя, кому из мужчин предназначен тот или иной подарок.

Они раздражали ее своими пустыми разговорами, хихиканьем и заигрыванием со всяким проходящим мимо мужчиной. Они могли говорить только о нарядах или сплетничать, но их круг казался надежным прикрытием – так косуля чувствует себя в большей безопасности от тигра в середине стада.

Элис, разумеется, не в силах понять, что ей чужда эта среда, думала она, незаметно наблюдая за ним из-под зонтика и слушая, как мисс Хэмминг заговорщически излагает свой план: выманить Дэниела Чаттертона погулять вечерком под звездами.

Ей хотелось вмешаться и напомнить, что Дэниел уже обручен и в Англии его дожидается молодая невеста – вот уже несколько лет, а сильная облачность не обещает открыть звезды для флирта. Но Перси прикусила губку и оставила свои едкие мысли при себе. Элис слегка поклонился, проходя мимо, и успел оценить и широко открытые глаза, и нервные смешки, и ее равнодушный наклон головы в ответ.

«Итак, отчего же Перси так решительно избегает меня, хотел бы я знать? Эти пустоголовые трещотки наскучили ей до одури; кроме того, не могу поверить, что за пять дней нам ни разу не пришлось соседствовать за столом по чистой случайности. Тот поцелуй на пустыре? Нет, дело не в этом. У Перси достанет присутствия духа, чтобы не избегать меня по этой причине, даже если она подозревает, что я не прочь

повторить. И продолжить... Однако держу пари, она тоже не прочь».

– Лорд Линдон! – окликнула его одна из дочерей Уайтона – внешне они были похожи как две капли воды и говорили исключительно на повышенных тонах, словно все вокруг удивляло или восторгало их.

Он остановился и поклонился:

– Мисс Уайтон?

– Лорд Линдон, какой ваш любимый цвет?

Ах да, рождественские подарки. Он надеялся избежать их внимания весьма просто: никогда не флиртовал с этими павами, но метод явно не срабатывал.

– Черный, – медленно проговорил он, растягивая губы в зловещую – как он надеялся – улыбку.

– Ого! – Она отступила к сестре, нахмутив лобик, – и эта гримаса странно оживила ее привычно-постное лицо. Ее подарок, очевидно, не гармонировал с цветом печали.

Он посмотрел в сторону и увидел Перси, склоненную над книгой. Надо бы развлечь ее рождественским подарком. Жаль, нет омелы¹⁴ в придачу.

Хотя, пожалуй, он сможет симпровизировать нечто, чтобы снять урожай, – у него есть подходящие ягодки. Улыбаясь своей идее, Элис прошел вдоль верхней палубы туда, где ко-

¹⁴ Омела – вечнозеленое растение, один из символов рождественского праздника. В Англии есть обычай целоваться на Рождество под веткой омелы. Если девушка стоит под омелой, она не вправе отказать в поцелуе тому, кто пожелал его.

ротали время близнецы Чаттертон и еще несколько молодых джентльменов. За эти несколько дней они явно застоялись без физических упражнений, и капитан разрешил им полазать по снастям: можно размяться и при этом не очень шокировать леди. Понятно, что борьба, бокс или фехтование на палках позволительны лишь в отсутствие женской аудитории.

Дэниел и Коль уже сняли сюртуки и разглядывали сеть тросов и канатов, взметнувшихся до верха грот-мачты.

– Похоже, ничего сложного, – сказал Дэниел. – Взбирайся себе по внешней стороне и не забывай опираться на снасти.

– Пока не попадешь на тот пяточок на мачте – «воронье гнездо»¹⁵, – указал его брат. – Тогда придется откачнуться внутрь и пролезть в отверстие рядом с мачтой.

– Разуваемся, – заключил Элис. Он, как и другие мужчины, был уже в приличествующей форме – просторных полотняных брюках. Элис сбросил туфли и взглянул вверх. – Мне уже приходи лось лазать по снастям. – Он запрокинул голову и добавил: – Однако не так высоко!

– Мы не сможем залезть туда все сразу, к тому же в «вороньем гнезде» матрос, – заметил Коль, и остальные отошли к подножию фок-мачты, оставив высокую грот-мачту в распоряжении братьев Чаттертон и Элиса.

– Мы вдвоем сможем залезть, если попробе́мся по тем

¹⁵ «Воронье гнездо» – наблюдательный пост на парусном корабле, крепится на верхней части мачты.

тросам, стоя на которых матросы подвязывают паруса, — показал Дэниел. — И не фыркай на меня, Коль: я не знаю, как это там называется, но ты и сам не в курсе, могу поспорить.

— Можно попробовать. — Элис взялся за рей и, подпрыгнув, встал на перила.

Просмоленный жесткий трос мог бы содрать кожу ладоней, но Элис крепко пережимал его в кулаке, да и руки его загрубели, поскольку он имел обыкновение обходиться без перчаток для верховой езды. Приятно было чувствовать, как напряглись и заиграли мускулы, когда он лез вверх и отклонял тело в стороны, чтобы противостоять качке: наклоны корабля иногда отжимали его к снастям, а иной раз заставляли его зацепиться за трос широко расставленными ногами и повиснуть над морем на вытянутых руках.

Едва затянувшаяся рана на бедре ныла от таких упражнений, но это не мешало ему получать удовольствие от приключения. Правая рука еще не вполне подчиняется, констатировал он, стараясь как можно ритмичнее дышать и двигаться.

Ветер дул в лицо, трепал его волосы и охлаждал кожу под тонкой рубашкой, но Элис поймал себя на том, что улыбается. Рядом появился Дэниел, пыхтя от натуги. Коль крикнул снизу:

— Это тебе не гонки на скорость, идиот!

Но Дэниел уже крутился вокруг опорной снасти: ему оставалось только раскачаться и одним махом преодолеть

несколько опасных футов до «вороньего гнезда». Элис услышал предостерегающий крик Чаттертона в тот момент, когда сам достиг верхнего рангоута¹⁶ грот-паруса и разглядывал раскачивающийся под ним тонкий трос. Предстоял рискованный акробатический трюк, но если матросы могли проделывать это даже в шторм, говорил он себе, ему это тоже по силам. Парус захлопал, и опорный трос под его ногой закачался, но Элис уже переметнулся через рангоут и встал, глядя сверху вниз на вздувшийся парус.

Коль не замедлил появиться рядом.

– Не хотел бы проделывать такие трюки в бурную ночь! – крикнул он.

– Черт подери, уважительная причина не завербоваться на флот, – согласился Элис и, изогнувшись, посмотрел через плечо вниз. Молодые женщины, забыв о своем притворном безразличии к мужчинам, все как одна устремили взгляды вверх.

– У нас есть зрители, – заметил он.

– Тогда спускаемся, пока Дэниел не успел принять на себя первые восторги, – ухмыльнулся Коль.

Подъем труднее, а спуск опаснее, вспомнил Элис. Он посмотрел на стоящих внизу леди, стараясь потверже упереться ногами в пружинящую опору, и эта картина внезапно закружилась перед его глазами, словно корабль разворачивало вокруг его оси.

¹⁶ Рангоут – деревянные детали, несущие паруса.

– Уф, – выдохнул Коль и тоже начал спускаться. – Осталось вспомнить, за каким чертом мы полезли сюда.

– Поразмяться и впечатлить леди – вам понравилась эта идея. – Элис теперь мог идти вровень с ним на расширяющейся книзу снасти. Его ногу жгло от напряжения, но он умел держать себя в руках. Пожалуй, надо дать руке передышку. – Кто из вас помолвлен, Дэниел?

– Да, – сухо вато подтвердил Коль. – Подруга детства, – добавил он, спустившись на следующую ступеньку. – Я сам пока не ищу себе жену, по крайней мере до тех пор, пока не узнаю наверняка, захотят ли меня оставить в лондонском офисе компании. – Спустившись еще на две ступеньки, он, похоже, немного расслабился. – А вы?

– А мне самое время жениться, – не стал отпираться Элис. – Предстоит разобраться с наследством. В этом сезоне, несомненно, буду брать приступом нашу ярмарку невест¹⁷, подыщу благовоспитанную девицу из хорошего рода и с приличным приданым, безмозглую, но широкобедрую, способную рожать наследников.

Коль фыркнул:

– А разве там внизу, на палубе, недостаточно особ женского пола? Как насчет леди Перси? – Он запнулся, очевидно вспомнив, что это имя связано со скандальным происшествием, а значит, оно недостойно внимания Элиса. – Э... то

¹⁷ Ярмарка невест – имеется в виду лондонский светский бальный сезон, традиционно начинавшийся после Пасхальной недели и длившийся до августа.

есть...

– То есть у леди Перси достаточно ума, чтобы повергнуть в смущение любого мужчину, – ответил Элис с наигранным сожалением. – Я по горло сыт общением с такими отважными особами, мне нужна примерная английская розочка.

«А кроме того, – подумал он, спрыгивая на палубу и протягивая руку, чтобы поддержать Коля, – ее бедра определенно слишком узки, как и прежде. На этой жерди парусов не поставишь».

А жердь, внезапно заметил он, стояла и в упор смотрела на него широко раскрытыми глазами. Итак, она сошла со своего пьедестала, взволнованная выставленной напоказ мужской отвагой. Какая неожиданность! Как трогательно! Она приблизилась, когда он накидывал сюртук на плечи, и Элис замер, изготовившись отразить поток восхищенных излияний.

– Как чудесно! – воскликнула Перси, устремив взгляд на «воронье гнездо» и не удостоив вниманием ни его, ни других мужчин. – Я тоже хочу так полазать.

– Нет, девочкам нельзя! – Ответ сорвался с его языка машинально, по давней детской привычке, и он поправился: – Леди.

Огромные зеленые глаза обратили свой сосредоточенный взгляд на его лицо, и он испытал невольное разочарование, она им не восхищалась.

– Вы всегда так говорите, – колко ответила она. – Вы все-

гда относились ко мне с пренебрежением, но я все равно поступала по-своему. Я лазала на те же самые деревья, я научилась плавать в озере – и даже на корове каталась верхом – задом наперед, как и вы. Помните?

– В деталях, – ответил Элис. – Меня за то выпороли. Но ваши детские проказы – ничто в сравнении с лазанием по снастям. Помимо всего прочего, это невозможно делать в юбках.

– Да, в этой простой детали вся соль. – Она одарила Элиса улыбкой – у него даже перехватило дыхание. И прежде чем он смог выдать из себя хоть слово, она развернулась и отошла.

Перси Брук явно преуспела в колдовстве, заключил он, размышляя: а не свалил ли он дурака, подозревая, что эта лучистая улыбка таит в себе беду?

– О! Лорд Линдон, какой силой надо обладать, чтобы проделать такое! – Одна из дочерей Уайтона – он снова не понял, которая – восхищенно рассматривала его, округлив глаза.

– Никакой, – шепнул он заговорщицки. – Меня мутит на высоте, так что пришлось воспользоваться помощью мистера Чаттертона. Вот кому силы некуда девать, да и деньги тоже... – Он нарочито вздохнул, словно завидуя и восхищаясь, и злорадно проследил, как она поспешила повиснуть на руке Коля.

Элис медленно пошел в свою каюту умыться. Он старался не хромать и размышлял, что не стоит, пожалуй, делать

из этого цирк и лучше перенести жестокие мужские игры на раннее утро, когда на палубе не будет слабонервных зрителей.

Но весь цирк начался как раз в тот момент, когда он содрал с себя сорочку и начал поливать голову водой: он внезапно понял, почему его постигло горькое разочарование во время той пикировки у подножия мачты. Перси всегда жаждала приключений, новых впечатлений, но на этот раз она желала этого не потому, что хотела подражать ему.

«А почему?» – думал он. Ему уже не тринадцать лет, и ей не восемь, и она совсем не та надоедливая сестренка, какой он считал ее прежде. Нет, она способна принести много бед на чью-то голову.

Перси вернулась в свою каюту, сняла все вещи с сундука и переложила их на кровать, чтобы открыть крышку. Нетерпение снадало ее, она устала от вынужденного безделья, а ведь они пробыли в плавании всего несколько дней. Пора ей размяться и развлечься – только надо встать на час пораньше.

Однако ничего не поделаешь с этим беспокойством, потому что некуда скрыться от Элиса Линдона. Она закрыла глаза и позволила себе еще раз вспомнить ту картину: его тонкая сорочка облегает сильное тело, бицепсы напряжены – он обхватил канат, его голые ступни кажутся трогательно-беззащитными. Он всегда был высок ростом, но теперь его гибкое юношеское тело обросло мужественными мускулами.

Она наблюдала за ним, как ястреб за подранком – не проявит ли тот слабость, но ничего такого она не заметила, пока он не пошел медленно прочь, и она увидела то, что не всякий мог понять: он изо всех сил старался не хромать. Зря он так напрягается.

Но тут Перси очнулась от грез. Элис вполне мог сам о себе позаботиться, так что нечего мучить себя, тревожась за него. Лучше подумать о своих планах. Элис прав, в юбках не полазаешь, кроме того, ей просто запретят, если капитан узнает о ее замыслах. Хорошо, что она захватила с собой практичные индийские брючные комплекты.

Перси извлекла кучу полотняной одежды и разложила все на кровати. У нее был красивый шелковый костюм – шальвары и туника, но он хранился в сундуках, что ехали в трюме. А в том, что стоял здесь, был полотняный аналог – она могла надевать его в каюте в часы отдыха.

Она встряхнула брюки: узкие в голени, но просторные в талии и бедрах – то, что надо. В дополнение пойдет та полотняная курта¹⁸, что прикрывает бедра: она достаточно свободна и не будет сковывать движения. Оставалось только не проспать рассвет.

Палуба под ее босыми ногами была прохладной и сырой – еще не просохла после утренней уборки. Большая часть команды собралась сейчас у грот-мачты, остальные находились на корме, рядом с третьей – меньшей – мачтой.

¹⁸ Курта – одежда наподобие туники.

Перси упрятала свою тяжелую косу за ворот кур ты, встала на бухту каната, как на ступеньку, поднялась на перила и крепко ухватилась за снасти. Она сосредоточенно смотрела вверх на мачту, не на море. Ее сердце бухало молотом, и на какое-то мгновение ей подумалось, что боязнь воды потянет ее вниз, но эта бездна была все же достаточно далеко.

Никто не заметил ее среди предрассветных теней, моряки были поглощены своей работой, а она нарочно выбрала мешковатый костюм нежно-зеленого цвета – маловероятно, что он привлечет их взгляды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.